

ДУН СИ ПЕРЕЛОМЛЕННАЯ СУДЬБА

РОМАН

НОВЫЙ ВЕК
КИТАЙСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

新世纪中国文学

Новый век китайской литературы

Дун Си

Переломленная судьба

«Гиперион»

2015

ББК 84(5 Кит)

Си Д.

Переломленная судьба / Д. Си — «Гиперион», 2015 — (Новый век китайской литературы)

ISBN 978-5-89332-313-9

«Переломленная судьба» (2015) – новейший из романов китайского писателя Дун Си (р. 1966) и первое из его произведений, переведенное на русский язык. В центре повествования судьба молодого человека из сельской глубинки, по роковому стечению обстоятельств не поступившего в университет и ставшего гастарбайтером, но не оставившего мечты если не выйти в люди самому, то вывести туда своего сына. Это пронзительная история о противостоянии человека обществу, семье и самому себе, ставящая вопросы о смысле существования. Роман демонстрирует фирменные черты Дун Си – черный юмор, острую иронию и безжалостный реализм.

ББК 84(5 Кит)

ISBN 978-5-89332-313-9

© Си Д., 2015
© Гиперион, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1. Ставка ценою в жизнь	7
Глава 2. Слабак	38
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дун Си

Переломленная судьба

##

####

Издание осуществлено при поддержке Гуансийского университета национальностей
Ответственный редактор А. А. Родионов (СПбГУ)

* * *

Пролог

1

Ван Чанчи прибыл к условленному месту на десять минут раньше. Он никогда в жизни не опаздывал, поэтому ему не хотелось в этот последний раз заработать славу «опоздальщика». Он оделся в чистое, постригся, гладко выбрился. Сначала у него еще была мысль прикупить хорошие кожаные туфли, но, прикинув, что за пятьсот юаней его отец в деревне может вставить в доме окно, он сглотнул слюну, помял пальцы и от этой затеи отказался. Поэтому сейчас Ван Чанчи стоял у ограждения посреди моста через реку Сицзян в старых армейских кедах. От того места, где он стоял, расстояние до воды было максимальным, что обеспечивало сильный шум при падении. Человек, прожив жизнь, может покинуть этот мир тихо или громко, выбрать нужно что-то одно. Удивительно синяя высь, необычайная белизна облаков. Небеса, казалось, специально подарили ему хорошую погоду, и, может быть, ради того, чтобы он все-таки одумался. Залитая солнцем река, поддаваясь ветерку, то и дело посылала ему блики с разных сторон. Гул от машин отнюдь не раздражал, как раньше, а, напротив, ласкал слух, и даже выхлопные газы казались благоуханием. Глядя на шеренги многоэтажек, растянувшихся по обоим берегам, он представлял, что в одном из окон спрятался человек и в бинокль наблюдает, как договор приводится в исполнение...

Глава 1. Ставка ценою в жизнь

2

Когда новость уже стала отдавать тухлятиной, Ван Чанчи сообщил ее Ван Хуаю. Ван Хуай в этот момент как раз выпивал. Услышав ее, он тут же с отвращением выплюнул все обратно, словно проглотил тухлое яйцо. Но новость есть новость, как ее выплюнешь? А потому Ван Хуаю оставалось только ее перетерпеть – перетерпеть, как терпят боль. Выдохнув, он наконец спросил:

– Ты разве не отсылал документы? А если отсылал, то почему тебя не зачислили?

Ван Чанчи опустил голову.

– Они сказали, что я неверно расставил приоритеты.

– А как ты их расставил?

– Пекинский университет, Университет Цинхуа, а дальше в любой вуз по разнарядке.

Следом раздался звонкий хлопок – Ван Хуай разбил рюмку.

– Ну, ты замахнулся! Во всем нашем уезде с сорок девятого года¹ и поныне никто еще не выдерживал экзамены в эти университеты.

– Я ведь написал, что готов идти и по разнарядке, так что меня с моими баллами должны были взять в любой захолустный вуз.

– Не каждому дано под ногами находить деньги. Совершенно ясно, что твоя судьба – учиться в каком-нибудь низкосортном заведении, к чему было вообще мечтать о ведущих вузах?

– Мне просто хотелось над ними приколоться.

– Кроме своего шанса, больше ты никого не приколот! Ты из числа лиц, не имеющих трех вещей: у тебя нет ни прав, ни власти, ни денег. Такие, как ты, живут, словно идут по канату, выверяют каждый свой шаг, а ты осмелился взять и пошутить над судьбой.

«Лицо, не имеющее трех вещей» склоняло свою голову все ниже и ниже, словно созревающий рисовый колос. За весь вечер он так и не решился поднять головы, точно хотел доказать, что, как и рисовый колос, растущий в поле, находится в процессе созревания. Он видел, как шатается на ногах Ван Хуай, как робко ступает его мать, Лю Шуанцзюй, как сверкают осколки от разбившейся рюмки, как выползает из-под стола и снова прячется собака. Разгоняя духоту, в комнату самовольно ворвался ветер. Он подарил Ван Чанчи ощущение прохлады, словно к его шее прилепили обезболивающий пластырь. Ни Ван Хуай, ни Лю Шуанцзюй с ним не разговаривали, каждый из них в душе понимал, что молчание будет самым жестоким наказанием. В голове Ван Чанчи промелькнула мысль о самоубийстве, он придумал даже, где и как именно сделает это. Но все-таки это была всего лишь мысль, которую тут же стер невидимый ластик.

Ночь становилась все глубже, он слышал, как родители помылись, как закрыли дверь, но не услышал, как заскрипела их кровать. Сегодня вместо ее жалобного лепета доносилось лишь гробовое молчание, словно кто-то ради него решил устроить траур и отменить всякие развлекательные мероприятия. Когда раздался храп Ван Хуая, Ван Чанчи присел на корточки и стал собирать осколки рюмки. Он порезал указательный палец на правой руке, пошла кровь, но он не чувствовал боли.

На следующее утро Ван Хуай протрезвел. Он потребовал, чтобы Ван Чанчи отправился вместе с ним оспаривать отказ. Ван Чанчи, не смея выйти, продолжал прятаться в комнате.

---

¹ То есть с момента образования КНР в 1949 году.

Ван Хуай вышиб дверь ногой, и это было последнее эффектное действие, сделанное его ногой. Плечи Ван Чанчи то и дело вздымались, он по-бабьи всхлипывал, прижимая к себе мокрое от слез полотенце. Ван Хуай сказал, что слезами горю не поможешь. Ван Чанчи, разумеется, об этом знал, но слезы помогали ему снять напряжение. Он попробовал успокоиться, но чем больше старался не плакать, тем судорожнее становились его всхлипывания. Тогда он плотно прижал полотенце к лицу, надеясь таким образом остановить слезы, однако плотину все-таки прорвало, и его всхлипы переросли в рыдания. Ван Хуай, стоя в дверях, смотрел на все это как на какой-то спектакль. Ван Чанчи, вдоволь порывав, решил, что этого более чем достаточно для потери лица, и понемногу сбавил обороты. Плач его становился все тише, пока он усилием воли окончательно его не остановил. Но, успокоившись, он все еще не мог отделаться от страха, поэтому тело его продолжало конвульсивно вздрагивать.

– Можешь идти? – спросил Ван Хуай.

– У меня порезан палец.

– Тебе не пальцем шагать.

– Я не спал целую ночь.

– Когда мать тебя рожала, я двое суток глаз не смыкал.

Ван Чанчи вытер слезы и сказал:

– Я же сам неверно заполнил анкету, кого теперь винить?

– Их. За то, что глумятся над людьми.

Ван Чанчи попросил разрешения умыться. Ван Хуай вышел его ждать на пороге. Ван Чанчи стал медленно умываться. Раз за разом он с силой проводил руками по лицу ото лба до подбородка и обратно, точно женщина, делающая массаж лица. Как же ему хотелось всю жизнь заниматься только этим. Но уже совсем скоро до него донеслось звучное покашливание Ван Хуая, который, словно будильник, сообщал, что время истекло и его терпению пришел конец. Ван Чанчи подумал, что лучше удрать, чем идти с ним позориться. Он направился к задней двери, но неожиданно обнаружил там Ван Хуая. Тот буквально секунду назад перешел сюда. Только было Ван Чанчи собрался убрать занесенную через порог правую ногу обратно, но не успел – от взгляда Ван Хуая его словно парализовало.

– Может, тебе еще понадобилось в туалет? – спросил Ван Хуай.

Ван Чанчи помотал головой.

Они отправились в сторону трассы. Ван Хуай шел впереди, Ван Чанчи – сзади. Ван Хуай тащил матерчатую сумку, из которой при каждом его шаге доносилось звучное «бульк-бульк». Полная фляга таких звуков не издавала, а вот неполная булькала. Еще из его сумки доносился сильный запах кукурузных початков. Пройдя какое-то расстояние, Ван Чанчи весь взмок.

– Жарко? – спросил Ван Хуай.

– Нет, – ответил Ван Чанчи, который весь покрылся холодным потом.

Тут же Ван Чанчи подумал: «Как он узнал, что я вспотел, если даже не поворачивался?»

– Пить будешь? – спросил Ван Хуай.

– Нет, – ответил Ван Чанчи.

– Проголодался?

– Нет.

На самом деле Ван Чанчи уже восемь часов не ел, не пил и не спал, сейчас он просто врал, поступая так назло Ван Хуаю.

Оба хранили молчание. Их долгий путь сопровождался лишь гулким звуком шагов. Ван Чанчи увидел над собой стайку птичек в небесной лазури, которые кунжутным семенем сыпанули в рощу, а после, словно мальки, устремились в океан. Ван Хуай все прибавлял шаг и только через двадцать с лишним метров заметил, что Ван Чанчи от него отстал. Он остановился и, вынув флягу, сделал глоток. Ван Чанчи еще издали учуял запах спиртного. Оказывается, внутри фляги была не вода. Дождавшись, когда Ван Чанчи подойдет ближе, Ван Хуай

протянул ему флягу и предложил сделать глоток. Ван Чанчи помотал головой. Только сейчас он заметил грязную нечесаную шевелюру Ван Хуая. На его вороте проступили бурые следы пота, а на сумке красовалась заплатка размером с ладонь. Ван Чанчи подумал: «Неужели мне придется идти в приемную комиссию с этим немывтым, растрепанным пьяницей, который не умеет даже правильно разговаривать?»

Глядя на крошечный силуэт Ван Хуая, Ван Чанчи шел все неохотнее, его мысли о будущем становились все более размытыми. Проходя мимо рощицы с чайными кустами, он вдруг бросился туда и как сумасшедший помчался вперед, словно хотел сбежать с земного шара. Ветки деревьев, будто давая пощечины, хлестали его по лицу. Когда у него уже не осталось никаких сил, он привалился к дереву, чтобы перевести дух. Жадно глотая воздух, он слышал, как откуда-то сверху доносится брань Ван Хуая: «Ван Чанчи, да ты тряпка, не моя кровь! Ты просто слюнтяй! Раз боишься доказать свою правоту, так пусть тебя тогда сожрут...» Какое-то время эта фраза покрутилась в воздухе, после чего дунул ветер, и она, задрожав, испарилась, оставив после себя торжественно-печальное молчание. Ван Чанчи все сильнее прижимался к стволу так, как прижимаются к матери, пока не почувствовал боль в руках. А потом взял и уснул прямо в этой позе. Очнувшись, он не чувствовал ни рук, ни ног. Они словно покинули его тело, превратившись в дерево. Сидя на земле, он постепенно приходил в себя, пока к нему не возвратилось ощущение собственных конечностей. После этого он встал и пошел обратно домой.

Когда он подошел к дому, на пороге его встретила Лю Шуанцзюй.

– Почему ты вернулся?

– Я не взял документы.

Лю Шуанцзюй бросила взгляд в конец улицы и спросила:

– И ты спокойно дал ему пойти одному? Ведь он со своим характером устроит там драку.

– Сам будет виноват, – ответил Ван Чанчи.

– Какой же ты добрый, он ведь ради тебя пошел.

– Стыдоба.

Лю Шуанцзюй остолбенела и еще долго не могла прийти в себя.

Когда наступил следующий день, Ван Чанчи думал, что Ван Хуай вернется. Однако уже стемнело, а тот все не показывался. Наступила ночь, но шагов Ван Хуая он так и не дождался. Ван Чанчи весь обратился вслух, но начинало уже светать, а он так и не услышал того, что хотел услышать. Лю Шуанцзюй не находила себе места и побуждала Ван Чанчи пойти и морально поддержать Ван Хуая. Ван Чанчи делал вид, что не слышит ее. На пятый день Лю Шуанцзюй объявила, что если он не заберет отца обратно, у них в поле сгниет весь рис. Ван Чанчи сидел на стуле перед домом и смотрел на горный хребет вдаль. Лю Шуанцзюй пихнула его, а он, словно тяжелая кубышка, только качнулся и снова вернулся в исходное положение. Лю Шуанцзюй подходила к нему с разных сторон, пихала все сильнее, но его задница, словно намазанная универсальным клеем, намертво приросла к стулу.

– А вдруг твоего отца уже схватили? Почему тебе так трудно поднять свой зад, неужели ты камень? Хорошо, ты можешь его и не поддерживать, но ты должен пойти и забрать его, а если не его самого, то его труп.

Пока Лю Шуанцзюй взывала к сыну, она все чаще терла свои глаза, которые уже совсем покраснели, готовые вот-вот излиться слезами. Ван Чанчи оставался безразличным. Лю Шуанцзюй взвалила на спину рюкзак и сказала:

– Не пойдешь ты, пойду я.

Ван Чанчи наконец шевельнулся. Перспектива остаться одному на таком большом хозяйстве его испугала. Он встал, двумя руками прижав к своему задку стул, точно тот к нему и вправду прирос. В таком положении он сделал несколько шагов, после чего, почувствовав

неудобство, переместил его на плечи. Так он и пошел со стулом на плечах. Лю Шуанцзюй спросила:

- Зачем тебе с собой стул? Хочешь засесть в другом месте?
- Раз ничего не понимаешь, так и молчи, – огрызнулся Ван Чанчи.

Лю Шуанцзюй повесила ему на шею сумку, и он большими шагами отправился в путь – со стулом на плечах и сумкой на шее.

Горная тропа извивалась. Леса вокруг становились все бескрайнее. Ван Чанчи походил на маленького муравья, а тропа – на тонкий седой волосок.

3

Выйдя из автовокзала, Ван Чанчи направился напрямик в отдел народного образования. Там на спортплощадке он увидел Ван Хуая, который сидел, скрестив ноги, и держал в руках картонку с надписью: «Не приняли в вуз по проходному баллу, кто восстановит справедливость?». Кроме одинокого силуэта Ван Хуая, на площадке не было ни души. Яркое солнце палило так нещадно, что Ван Хуай опустил голову и теперь напоминал торчащий из сухой земли переломанный пополам увядший колос или неподвижный пенек. Ван Чанчи поставил стул и пошел поднимать отца. Тот оказался тяжелым, гораздо тяжелее, чем представлял себе Ван Чанчи. Поднять его с первой попытки не удалось. Ван Чанчи поднатужился, но вторая попытка тоже оказалась неудачной. Несколько дней тому назад Ван Чанчи и сам был в похожем состоянии, он сообразил, что Ван Хуай отяжелел из-за того, что у него затекли руки и ноги, и теперь ему требовалась помощь, поэтому Ван Чанчи стал растирать его затекшие члены. Спустя полчаса Ван Хуай, опершись на руки, перебрался на стул и сказал:

- Такой огромный город, и не нашлось ни одной лишней скамейки.

Ван Чанчи передал ему сумку. Ван Хуай вытащил оттуда стеклянную бутылку, открыл с нее крышку и тут же с шумным бульканьем опустошил на треть. То была рисовая бражка² его собственного приготовления. Глотнув ее, он сразу ожил.

- Рис поспел, мать зовет тебя на жатву, – сказал Ван Чанчи.

– Что такое зерно? Тут судьба решается. – Большим пальцем правой руки Ван Хуай вытер мокрые уголки рта.

- Тут можно хоть дыру в цементе просидеть, толку от этого все равно не будет.

– Не было бы толку, зачем бы я тогда сидел? Мне что же, совсем делать нечего? Говорю тебе, эта проблема привлекла внимание руководства, они уже ею занимаются. Если бы ты посидел тут со мной еще несколько дней, авось бы что-нибудь из этого и вышло.

- Лучше вернуться домой и быть крестьянином, чем терять здесь лицо.

– На каком основании ты должен быть крестьянином, если набрал проходной балл? Твое место, как и их, – в кабинете!

В этом административном здании было четыре этажа, сверху донизу опоясанные открытой галереей. На каждом из этажей размещалось по двенадцать кабинетов, их двери и окна были выкрашены в зеленый цвет. От старости краска поблекла и теперь выглядела обшарпанной и полинявшей. На цоколе здания, на стенах снаружи галереи, а также кое-где на кровле рос мох и виднелись дождевые потеки. Перед зданием аккуратной изгородью вытянулись подстриженные кусты бирючины. Ван Хуай стал показывать на окна и перечислять:

– Начальник управления в пятом кабинете на третьем этаже, два его зама – в третьем и четвертом кабинетах. Приемная комиссия в первом кабинете на четвертом этаже.

Ван Чанчи заметил, что кто-то высунулся из окна и тут же скрылся обратно.

---

² Сладковатый напиток из клейкого риса крепостью 15–25 градусов.

– Я буду ждать за воротами, как только надумаешь, мы тут же поедем обратно, – сказал он.

– Я ничего не надумаю, пока они не предоставят тебе места! – заорал Ван Хуай во все горло.

Из множества окон высунулись головы, они долго взирали куда-то вдаль, словно надеясь увидеть источник необычного шума.

– Знаешь, почему они волнуются? – спросил Ван Хуай. – Потому что им стыдно. Каждый раз, как я начинаю кричать, первым высовывается человек из окна приемной комиссии. Когда твой отец чувствует себя на коне? Когда на его стороне правда, когда он добивается справедливости.

Из окон все еще торчали головы: кто-то наблюдал за ними, попивая чай, кто-то чокался рюмками, кто-то наставил на них камеру. Ван Чанчи как можно тише процедил:

– Может, мне отбить тебе земной поклон?

Ван Хуай громко ответил:

– Нет уж. Это они пусть нам земной поклон отбивают.

– Я подготовлюсь и на следующий год снова сдам экзамены, хорошо? – чуть ли не умолял отца Ван Чанчи.

– Раз они в этом году тебя не взяли, то и в следующем точно так же срежут тебя, как лук, – по-прежнему звонко проголосил Ван Хуай.

Откуда-то сверху раздался хохот, кто-то свистнул, кто-то прицелкнул пальцами. Ван Чанчи чувствовал себя между молотом и наковальней. Ему очень хотелось убежать, но он боялся, что его высмеют из-за отсутствия солидарности. Поэтому ему пришлось, стиснув зубы, принимать все эти насмешливые, презрительные и злорадные взгляды. Скорее всего, если бы на ближайшие полчаса воцарилось молчание и бездействие, они бы избавились от этого пристального внимания. Ван Чанчи стоял, не смея шелохнуться, и боялся даже чихнуть, чтобы не нарушить баланс. Сейчас на площадке протянулись две косые тени: одна – стоячая, другая – сидячая. Солнце жарило с запада, да так, что кровь замирала в жилах. Постепенно наблюдатели один за другим попрятались. Ван Чанчи решил воспользоваться моментом и ускользнуть, но тут раздался звонок. То был звонок, возвещавший о конце рабочей смены. Служащие захлопали дверьми и окнами, со смехом и гомоном покидая коридоры здания. С минуты на минуту они должны были пройти прямо перед ними. Но неожиданно все как по команде стали их обходить и делать крюк, словно натолкнулись на невидимое препятствие или на какую-то заразу. Ван Хуай встал на стул и высоко поднял над собой картонку. Ван Чанчи, не в силах вынести это зрелище, уперся подбородком в грудь, напоминая опаленного взглядами молочного поросенка. Едва многочисленные шаги с двух сторон утихли, он поднял голову, развернулся и побежал прочь. Ван Хуай спрыгнул со стула и крикнул сыну, чтобы тот его подождал.

Они спустились под цементный мост. Ван Хуай вскарабкался по его опоре, вытащил из-под пролета свернутую циновку и сбросил вниз. Ван Чанчи ее поймал. В циновку был завернут полиэтиленовый пакет. Ван Хуай соскользнул вниз, развязал пакет, вытащил оттуда пампушку и передал ее Ван Чанчи. Тот замотал головой. Тогда Ван Хуай целиком запихал пампушку себе в рот. Его щеки тотчас раздулись. Судя по тому, как долго и с каким усилием он жевал, пампушка затвердела, проведя в пакете не один день. В носу у Ван Чанчи защипало, ему стало жалко и Ван Хуая, и себя.

– Ты все это время жил под мостом? – спросил он.

Поскольку Ван Хуай жевал пампушку, ответить он не мог. Ван Чанчи казалось, что его громкое чавканье длилось целую вечность, этот звук переполнил его уши. Наконец, закончив жевать, Ван Хуай плотнул бражки и сказал:

– Здесь и денег платить не надо, и воздух свежий.

– Прямо как нищий бродяга.

– Разумеется, раз ты приехал, мы переедем.

– Куда?

– Даю слово, тебе понравится.

Ван Хуай снял номер в гостинице. Попружинив руками матрас на кровати, он сказал:

– Какая мягкая и белая постель! Сегодня ляжем спать пораньше.

Умывшись, они погасили свет и улеглись каждый в свою постель. Только Ван Чанчи закрыл глаза, как в его голове словно запустили мощный двигатель, который стал туда-сюда таскать его измученное тело. И тело, и мысли колыхались в невесомости, не в силах опуститься на землю. Пока его так мотало, он ощутил распирающую головную боль. Пять дней назад Ван Чанчи мог заснуть стоя, просто обняв дерево, зато сегодня, как бы он ни старался, уснуть не получалось. Среди ночи его терпение лопнуло, он поднялся с кровати, зажег свет и тут обнаружил, что Ван Хуай куда-то пропал. Внимательно приглядевшись, он нашел его на полу за кроватью. Ван Хуай заслонил рукой глаза от резкого света и сказал:

– Вот что значит несколько десятков лет спать на досках, мягкая кровать не по мне.

– Поедем домой, к чему все эти мучения? – сказал Ван Чанчи, попутно натягивая на себя одежду. Совсем скоро он полностью оделся и обулся, после чего уселся на принесенный с собой стул.

– Сколько времени? – спросил Ван Хуай.

– Два часа.

– Два часа, до утра еще долго, сейчас автобусы домой все равно не ходят.

Ван Чанчи отдернул штору. Повсюду, куда ни глянь, разливалась чернильная ночь. Он подвинул стул к окну и неподвижным взглядом уставился на восток, точно хотел поторопить небо с рассветом. Ван Хуай поднялся с пола, прошел в санузел и там медленно и долго мочился. Потом он вернулся, сел на прежнее место у кровати и сказал:

– Более того, я не согласен, чтобы ты сейчас взял и отступил. То же самое происходит на войне, когда исход сражения определяют последние пять минут боя. В решающий момент атаки нам ни в коем случае нельзя проявлять слабость.

Ван Чанчи не верил ни в какую атаку, а потому продолжал отупело взирать в окно, надеясь, что небо вот-вот просветлеет и они на первом же автобусе вернутся домой. Ван Хуай, похоже, его раскусил.

– Если не поступишь в университет, всю жизнь проведешь в деревне. Какая необходимость возвращаться так срочно? Двадцать с лишним лет назад я участвовал в отборе на цементный завод, но, несмотря на проходной балл, меня не взяли. И только спустя десять лет я узнал, что на мое место приняли племянника заместителя волостного старосты. Если сейчас ты не окажешь сопротивления, они поступят с тобой точно так же. Более того, взять, к примеру, Я Дашаня: у него на двадцать баллов меньше, но его же зачислили. У Чжан Яньянь и вовсе не набралось проходного балла, но ее тоже зачислили. Так с какой стати не зачислили тебя?

Ван Чанчи с шумом задернул штору. Поскольку он сделал это слишком резко, один крючок соскользнул на пол, со звоном прокатившись по комнате.

– Если тебе противно, – продолжал Ван Хуай, – можешь возвращаться домой, но я останусь. Ведь уже с детства было понятно, кем ты станешь. Я знаю, что тебе предназначено быть чиновником, ты просто не можешь не поступить в университет...

– Откуда вся эта чушь? – откликнулся Ван Чанчи.

Он резко поднялся и, забросив стул на плечо, направился к выходу.

– Самый ранний автобус отправляется в семь, сейчас автовокзал все равно закрыт, – сказал Ван Хуай.

– Тогда можно я просто выйду проветриться?

– Скажи своей матери, что я не вернусь, пока не получу для тебя места.

Ван Чанчи открыл дверь и ступил за порог, по пути ударив своим стулом о дверной косяк. Ван Хуай закрыл за ним дверь, снова завалился на пол и уже очень скоро захрапел.

4

Наутро Ван Хуай повесил на руку свою флягу, забросил на спину гостиничный стул, купил внизу несколько пампушек и направился к отделу народного образования. Он никак не ожидал, что увидит там смиренно сидящего Ван Чанчи. Довольный Ван Хуай поставил свой стул рядом, похлопал сына по плечу и тоже уселся, подняв вверх свою картонку. Как бы там ни было, а отец и сын теперь добивались справедливости бок о бок. Так они сидели от зари до зари без перерывов на выходные. Они продержались пять дней подряд, пока не начался новый учебный год. Звонки, то и дело доносившиеся из ближайшей школы, словно иглы впивались в нервы Ван Чанчи. Когда по радио начиналась физкультминутка, Ван Чанчи вставал и под счет «один-два-три-четыре, два-два-три-четыре, три-два-три-четыре...» выполнял комплекс упражнений. Точно так же он выполнял и гимнастику для глаз. На просторной площадке он один-одинешенек размахивал руками-ногами и массировал определенные точки на теле. Видя, как он одинок, к нему иногда присоединялся Ван Хуай. Но его движения выходили неуклюже и неверно, напоминая обезьяньи ужимки, что частенько вызывало чей-нибудь смех с верхних этажей. Ван Чанчи больше не боялся ничьих насмешек. Ему казалось, что пока он стоит на площадке и выполняет все эти упражнения, он такой же студент, как и все.

Как-то раз после обеда над их головами появились облака, которые постепенно заслонили собой солнце. Небосвод стремительно потемнел, и по затылкам Ван Чанчи и Ван Хуая застучали мелкие капли дождя. От бетонного покрытия начал волнами подниматься жар, в ноздри ударил смешанный запах пыли, лака, извести и чего-то еще. Дождь усиливался, народ вокруг бросился врассыпную, убежала даже собака, которая до этого прохлаждалась в тени под деревом. А Ван Чанчи и Ван Хуай остались неподвижно сидеть на своих стульях. Вода лилась им прямо за шиворот, все запахи куда-то исчезли, сменившись солоноватым вкусом дождевой воды, которая стекала с их голов в рот. Надпись на картонке в руках Ван Хуая расплылась, после чего от влаги развалилась и сама картонка. Дождь накрыл их сплошной стеной: не стало видно ни административного здания, ни изгороди из бирючины всего в нескольких метрах от них. Их сандалии уже ушли под воду. Кроме мыслей, которые единственные оставались сухими, все остальное вымокло насквозь. Ткань одежды намертво прилипла к коже. Волосы на их головах слиплись, а отсыревшие пальцы побелели и обмякли. Ливень шумел во всю мощь, пока через полчаса не начал слабеть и наконец не превратился в обычный дождь. Еще через полчаса дождь сменился моросью. Перед глазами Ван Чанчи и Ван Хуая восстановились прежние детали пейзажа. Дождь прекратился, но с их одежды продолжала стекать вода, они замерзли до дрожи. У Ван Хуая так сильно тряслись руки, что он далеко не с первого раза смог открыть свою флягу с бражкой. Он сделал несколько больших глотков, и дрожь постепенно ушла. Но Ван Чанчи продолжал трястись, да так сильно, что у него клацали зубы. Ван Хуай протянул ему флягу. Ван Чанчи немного помедлил, потом взял флягу и сделал сначала маленький, а потом и большой глоток. Он почувствовал, как в его желудке словно развели огонь – ему стало намного теплее. Ван Хуай негромко сказал:

- Какие же мы с тобой бедолаги.
- У них к нам пропал всякий интерес.
- Должен признать, что наш протест провалился.
- Поедем уже домой.
- Что же мы зря сидели здесь десять с лишним дней?
- Неужели ты бы обращал внимание на двух ползающих у порога муравьев?
- Надо сразиться еще разок!

– Да будет уже, нам их не одолеть.

– Эх ты, слабак! – Ван Хуай шлепнул Ван Чанчи по затылку, встал и направился к галерее, оставляя за собой мокрый след. Поднявшись на второй этаж, он обернулся: Ван Чанчи по-прежнему сидел на площадке. Ван Хуай направился на третий этаж. Ван Чанчи думал, что отец пойдет в кабинет начальника отдела народного образования, и никак не ожидал, что тот вдруг заберется прямо на ограждение галереи.

– Па!.. – громко крикнул Ван Чанчи и ринулся к зданию.

Показался начальник, а за ним и его заместители. С четвертого на третий этаж бегом спустился работник приемной комиссии. Перед Ван Хуаем собралась целая толпа чиновников. Начальник сказал: «Если спустишься, сыну будет предоставлен целый год бесплатных подготовительных курсов». Ван Хуай не согласился и спросил: «Готовы ли вы ради сохранения моей жизни дать сыну место в университете?» Начальник поочередно обменялся взглядами со своими замами и дал утвердительный ответ, но при условии, что сначала Ван Хуай слезет с ограждения. Ван Хуай, заметив их перемигивания, заподозрил обман и потребовал принести письменное извещение о зачислении. Начальник объяснил, что для этого им нужно связаться с учебным заведением, чтобы выяснить, имеются ли свободные места. Ван Хуай на это сказал: «Значит, договаривайтесь прямо сейчас». Начальник подпер кулаком подбородок. Работник приемной комиссии развернулся и побежал на четвертый этаж. Поторопившись, он немного поскользнулся, и в этот же самый момент поскользнулся и Ван Хуай. Начальник сказал: «Завсектором пошел договариваться, так что давай, спускайся». Ван Хуай замотал головой. Начальник предложил ему сигарету. Ван Хуай снова замотал головой. Все молчали, не смея заговорить, время словно остановилось. С четвертого этажа четко долетало каждое слово завсектором, который с кем-то общался по телефону. Сигарета в руках начальника растерлась в крошку.

Спустя десять с лишним минут завсектором прибежал с четвертого этажа и сказал:

– Очень сожалею, но я позвонил в несколько знакомых вузов, и ни в одном мест нет.

– Я слышал, что еще вчера одно место было, – ответил Ван Хуай.

– Но сегодня уже не вчера.

– Почему же вы не договорились вчера? Может потому, что я еще не додумался спрыгнуть отсюда?

Завсектором осекся. Начальник сказал:

– Я слышал, что свободное место появилось потому, что какой-то студент просто не явился на учебу. Такие случайные места в провинции расхватывают как горячие пирожки, нашей глухомани до них не дотянуться.

– Да вы и не думали схватить это место, для вас двое сидящих внизу значат не больше, чем два куска копченого мяса! А ведь мы тут коптимся уже десять с лишним дней, или вы ослепли?

– Во всей этой ситуации виноват только твой сын. Когда его заявление попало к нам в руки, проделав круг после Пекинского университета и Университета Цинхуа, места во всех других вузах были уже заняты. Если задница маленькая, ни к чему мастерить большую лавку, – сказал на это завсектором.

У Ван Хуая перехватило дыхание. Он хотел было ответить, что у его сына было на целых двадцать баллов больше проходного минимума, но не успел. В глазах его вдруг потемнело, и он соскользнул вниз. Раздался всеобщий крик ужаса. Ван Хуай попытался было исправить положение и, похоже, ему даже удалось зацепиться руками за ограждение, но бетонные перила оказались слишком широкими и скользкими, к тому же на них рос мох, поэтому уцепиться у него не получилось, и он полетел вниз. Под крики ужаса Ван Чанчи попытался поймать отца на руки, но удержать его не смог, и оба тяжело рухнули в кусты. Раздался громкий треск, вокруг разлетелись брызги, после чего наступила гробовая тишина.

Ван Чанчи сел и увидел, что вокруг собрались люди, но среди них не было ни одного знакомого доброжелательного лица, окружающие сплошь выражали лишь холодное любопытство. Ван Чанчи придвинулся к Ван Хуаю и потрогал его ноздри, тот, похоже, еще дышал. Тогда Ван Чанчи что было мочи заорал: «Па! Па!..» – и продолжал кричать все отчаяннее и отчаяннее. Примерно после десяти с лишним таких воплей Ван Хуай его услышал: он вдруг приподнял и тут же опустил веки. Толпа от страха отпрянула назад, похоже, то, что Ван Хуай остался жив, напугало всех больше, чем если бы он умер. Ван Чанчи осторожно поднялся на ноги, он не ожидал, что у него это получится. Осмотрев себя, он заметил, что вся его одежда от падения на ветки порвалась, и сквозь дыры проступает кровь. Едва он увидел кровь, его тут же обдало волной жара. Он наклонился и обеими руками ухватил отца за плечо, чтобы поднять его с земли. Но при каждой попытке сдвинуть Ван Хуая с места тот начинал истошно вопить. Тогда Ван Чанчи решил его не трогать и оставил лежать как есть. Он спросил, кто может помочь вызвать скорую. Никто не откликнулся, треть зевак словно ветром сдуло. Ван Чанчи сверху вниз пошарил по всем карманам Ван Хуая, пока из кармана брюк не вытащил какой-то паке-тик. Развернув его, он нашел там деньги. Ван Чанчи вынул мелкую купюру и еще раз обратился с просьбой помочь вызвать скорую помощь. Из толпы вышел какой-то мальчишка, взял деньги и тут же куда-то побежал. Ван Чанчи повернулся к отцу: «Па, нам сейчас вызовут скорую, ты только держись!» Ван Хуай стиснул зубы и осторожно закивал, весь его лоб покрылся испариной. Ван Чанчи крепился изо всех сил, но все-таки не сдержался, и из глаз его хлынули слезы, капающая прямо на лицо Ван Хуая.

Наконец приехала скорая. Двое санитаров в белых халатах поднесли к Ван Хуаю носилки. Один из них спросил: «За вызов скорой кто-то платить собирается?» Ван Чанчи протянул деньги, и санитар засунул сотенную купюру себе в карман. После этого санитары с двух концов подхватили Ван Хуая и, точно дохлую собаку, закинули на носилки. Ван Хуай завопил, все его лицо перекосило от боли. Санитары погрузили носилки в машину, Ван Чанчи залез следом.

5

Из-за отсутствия денег на лечение носилки с Ван Хуаем оставили в коридоре. Вдруг Ван Чанчи вспомнил про одного своего одноклассника и сказал отцу: «Па, потерпи немного, я сбегаю за деньгами». Ван Хуай кивнул.

Ван Чанчи пришел на улицу Сяохэцзе к однокласснику Хуан Кую, который, так же как и он, не поступил в университет. Услышав, что Ван Чанчи требуются пять тысяч юаней, Хуан Куй вопросительно посмотрел на отца. Его отец держал лавку с товарами первой необходимости.

- Как к тебе относился Ван Чанчи? – спросил он сына.
- Всегда давал мне списывать.
- А ты сможешь вернуть пять тысяч? – обратился отец Хуан Куя к Ван Чанчи.
- Смогу. У нас дома две коровы и две свиньи.
- Тогда пиши расписку.

Ван Чанчи написал расписку. Отец Хуан Куя сказал, что ему нужно сходить в банк.

Втроем они подошли к банку. Отец Хуан Куя вдруг остановился и вытащил сигарету. Он делал такие глубокие затяжки, что несмотря на ясный день, можно было увидеть, как вспыхивает огонек на конце его сигареты. Он с головой ушел в процесс курения, и только когда огонь обжег его пальцы, он наконец бросил окурочку и как следует шаркнул по нему ногой, оставив на земле след в виде запятой.

- Это была лишняя сигарета, – сказал он.

Ван Чанчи почуял неладное. И точно: отец Хуан Куя вытащил из кармана и протянул ему две купюры с головой старика³.

– Парень, дарю тебе эти двести юаней, а крупную сумму я одолжить не могу, – сказал он.

Хоть Ван Чанчи морально и был готов к такому повороту событий, все же на какое-то время он впал в ступор. Тут в разговор вмешался Хуан Куй:

– Двести юаней его отца не спасут.

– Я только что вспомнил, что на сберкнижке нет денег, их сняла твоя мать на открытие магазина.

Ван Чанчи отвесил поклон, развернулся и пошел вон. Он шел и рвал расписку, что была в его руках. Отец Хуан Куя засунул двести юаней в карман сына:

– Деревенским ох как тяжело приходится. Иди и купи им что-нибудь поесть.

Хуан Куй догнал Ван Чанчи и сказал:

– Я спросил отца, у него на сберкнижке правда нет денег, надеюсь на твое понимание.

– Верно говорят: «Если прихватило живот, то винить в этом, кроме себя самого, некого», – ответил Ван Чанчи.

С этими словами он разжал кулак, из которого, точно ритуальные деньги, посыпались клочки разорванной расписки.

Купив ящик бутилированной воды, пакет с пампушками и упаковку туалетной бумаги, Хуан Куй сложил все это у носилок Ван Хуая. Ван Хуай то и дело скрежетал зубами и морщил лоб, изо всех сил пытаясь перетерпеть свою боль. Его губы побелели и пересохли. Ван Чанчи открыл одну бутылку воды и стал осторожно его поить. Ван Хуай несколько раз шевельнул губами. Вдруг он закрыл глаза и свесил голову на бок. Ван Чанчи, решив, что отец умер, провел рукой у него под носом: тот еще дышал. Тогда он принес ведро с горячей водой, намочил в нем полотенце, хорошенько его отжал и стал обтирать лицо Ван Хуая. Он медленно продвигался вниз, с лица переходя на шею, с шеи – на грудь. Но когда он стал обтирать ему живот, Ван Хуай не удержался и завопил. Тогда Ван Чанчи обошел область живота и стал обтирать отца ниже. Сидевший рядом Хуан Куй спросил:

– У тебя нет денег. Что ты собираешься делать?

– Ограблю банк.

Вдруг Ван Хуай чуть приподнял свою правую руку и мертвой хваткой вцепился в два пальца Ван Чанчи.

– Па, ты чего? – спросил Ван Чанчи отца, который сжал его пальцы еще сильнее. – Ты испугался, что я пойду на грабеж? Успокойся, я этого не сделаю, просто сказал сгоряча.

Рука Ван Хуая тут же ослабла и соскользнула на пол.

Ван Чанчи переделал Ван Хуая в чистое, купил и закрепил над ним полог от комаров.

– Па, потерпишь пару дней? – спросил он отца.

Тот тихонько кивнул. Ван Чанчи попросил Хуан Куя присмотреть за Ван Хуаем, а сам на вечернем автобусе отправился в деревню.

До деревни Ван Чанчи добрался только к полуночи. Все окна в домах уже погасли. Он не стал сразу стучать в дверь, а задержался на пороге, подбирая слова. Радостно гавкая, у его ног закрутилась собака. Ее лай разбудил Лю Шуанцзюй. Она включила свет, открыла дверь, увидела стоящего на пороге Ван Чанчи и тут же спросила:

– Что-то случилось? Сегодня во время ливня меня словно несколько раз пырнули ножом в сердце.

Ван Чанчи сперва думал ее обмануть, но, не имея актерских талантов, разрыдался горячими слезами. Лю Шуанцзюй запричитала:

– Твой отец такой упрямый, я так и знала, что что-нибудь случится.

---

³ Имеется в виду купюра в сто юаней с изображением Мао Цзэдуна.

Тут же, словно от боли, она скрючилась пополам и, как стояла в проеме, сползла вниз, пока не уселась на порог. Тяжело вздыхая, она правой рукой не переставая била себя в грудь. Ван Чанчи подошел к ней и присел рядом.

– Он хотя бы жив? – спросила она.

– Пока да, – ответил Ван Чанчи.

Лю Шуанцзюй завывала в голос, по звуку было не определить, радуется она или убивается, ее вой, то тихий, то громкий, то краткий, то продолжительный, взвился ввысь, привлекая собак.

На следующий день они продали корову и быка Второму дядюшке. Второй дядюшка зашел в коровник, открыл стойло и принялся было выводить быка, но тот уперся четырьмя копытами и подался назад, ни за что не желая покидать стойло. Тогда Второй дядюшка, потеряв терпение, с силой потянул за веревку. Казалось, что он соревнуется с быком в перетягивании каната, но, как он ни старался, бык не двигался с места. Кончилось тем, что у быка из ноздрей, где крепилось кольцо для веревки, выступила кровь. В стойло вошел Ван Чанчи и уперся быку в зад, пытаясь вытолкнуть того наружу. Но сколько быка ни тянули с одной стороны и ни толкали с другой, тот по-прежнему стоял, как вкопанный. Тогда Второй дядюшка бросил Ван Чанчи палку и сказал:

– Чанчи, а ну-ка, поддай ему.

Ван Чанчи взял палку и легонько ударил ею быка.

– Так не пойдет, огрей его пожестче.

Ван Чанчи замахнулся и треснул быка снова, но тоже слегка.

– Чему ты вообще учился? Даже быка нормально огреть не можешь, чего ты его чешешь?

Ван Чанчи закрыл глаза, поднял палку и что было сил опустил ее на круп быка. Раздался глухой звук, но бык по-прежнему не шевелился. Тогда к быку подошла Лю Шуанцзюй и заговорила:

– Кастратик, иди уже, не можем мы больше содержать тебя. Папка твой разбился, нужны деньги на лечение. Иди уже, будь добр, домой ко Второму дядюшке. Он все-таки свой человек, и фамилия у него такая же, так что у него ты по-прежнему останешься быком семейства Ван.

Бык, словно все понял, перестал упрямиться и спокойно вышел из стойла, глаза его заволокло слезами. А Лю Шуанцзюй продолжала:

– Это касается и нашей девушки, ты пойдешь вместе с Кастратиком.

Глаза коровы тоже наполнились слезами, она немного помедлила, но потом покинула стойло и пошла следом за быком.

– Ни в коем случае не продавай их забойщику, – обратился Ван Чанчи ко Второму дядюшке. – Я заработаю и выкуплю их.

– Хорошо, – ответил Второй дядюшка.

Ван Чанчи был у Лю Шуанцзюй единственным ребенком, поэтому быка и корову она тоже воспринимала как своих детей.

Продав быка и корову, они продали в соседнюю деревню Гуан Шэну двух свиней. Гуан Шэн пришел с двумя клетками и попросил в помощь четырех человек. Свиньи верещали всю дорогу, пока Гуан Шэн с помощниками нес их через горное ущелье. За обедом Лю Шуанцзюй отупело уставилась в пиалу с рисом.

– Путь неблизкий, если не поешь, как доберешься до трассы? – сказал Ван Чанчи.

Лю Шуанцзюй переложила рис в собачью миску и спросила, где собака. Ван Чанчи несколько раз позвал ее, но та не показывалась. Лю Шуанцзюй сказала:

– Увидела, что мы продаем весь скот, и наверняка испугалась, что ее тоже продадим.

– У них чутье развито куда лучше, чем у нас, – откликнулся Ван Чанчи.

6

К вечеру Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй добрались до уездной больницы. Ван Хуай по-прежнему лежал в коридоре. го глаза были открыты и напоминали две искусственные виноградины. Как только появился Ван Чанчи, отец попытался закрыть глаза, но не смог. Кожа век еле сдвигалась из-за отсутствия слезной смазки. Глаза Ван Хуая были настолько сухими, что на глазных яблоках образовалась пыль. Хуан Куй сказал, что с тех пор, как Ван Чанчи уехал, отец ждал его, ни разу не сомкнув глаз. Не имея возможности самостоятельно ходить в туалет, он лишь несколько раз откусил от пампушки и совсем уж чуть-чуть попил воды.

Когда за Ван Хуая внесли оплату, его определили в стационар. После осмотра оказалось, что кроме многочисленных ссадин от веток, у него был серьезный перелом в районе пятого поясничного позвонка. Врач объяснил, что если организм не справится, то возможен паралич. Ван Чанчи сказал: «То, что он упал с такой высоты и остался жив, можно считать за чудо». Врач на это ответил, что Ван Хуай не погиб лишь потому, что, во-первых, во время падения он двумя руками зацепился за перила, во-вторых, его на какое-то время поймал Ван Чанчи, и, в-третьих, удар смягчили кусты. А на вопрос, почему сам Ван Чанчи ничего себе не сломал, принимая отца на руки, врач сказал, что это благодаря тому, что Ван Хуай задержался на его руках лишь на короткий миг. Ван Чанчи испытывал силу удара не более двух секунд, но если бы это время превысило две секунды, то руки у Ван Чанчи наверняка бы сломались.

Спустя неделю к Ван Хуаю вернулась речь, и первой сказанной им фразой было: «Заберите меня домой».

– Тебя еще не вылечили, – сказал Ван Чанчи.

– Меня теперь не вылечишь, – ответил Ван Хуай.

– Даже если так, все равно нужно попытаться.

– У тебя, я смотрю, денег куры не клюют! – вдруг взорвался Ван Хуай. – На кой черт босяку шиковать в больнице? Если я здесь еще задержусь, мы останемся без гроша. А если мы останемся без гроша, ты останешься без подготовительных курсов, а если ты останешься без подготовительных курсов, то, считай, все для тебя кончено.

На лбу Ван Хуая выступили капли пота, но Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй притворились, будто не услышали его. Словно два запрограммированных робота, они каждый день в положенное время являлись к Ван Хуаю, чтобы обтереть его, помассировать ноги, накормить, напоить, помочь сходить в туалет. Прошло три дня, после чего Ван Хуай крепко сомкнул губы, отказавшись от еды и питья. Жидкая каша стекала с его губ на шею, он не давал даже напоить себя. Лю Шуанцзюй вздохнула:

– Мне тоже жаль тратить здесь деньги, но у тебя еще не зажила спина. А вдруг, если мы прямо сейчас отправимся домой, по дороге у тебя что-нибудь отвалится, и случится повторный перелом?

Ван Хуай закрыл глаза и никак не реагировал, но его дыхание становилось все более напряженным.

– К тому же, – продолжала Лю Шуанцзюй, – врач тоже против, чтобы ты сейчас покинул больницу.

Ван Хуай разжал губы и сказал:

– Как ты можешь им доверять?

Не зная, как лучше поступить, Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй вышли посоветоваться во двор. Понурые, они уселись на камень, оказавшись на самом солнцепеке. В кронах деревьев жужжали насекомые. Прохожие задерживали на них любопытные взгляды, но тут же, потеряв интерес, шли дальше.

– Сколько у тебя еще осталось с собой? – спросила Лю Шуанцзюй.

Ван Чанчи пошарил по всем карманам, вытащил горсть мелочи и положил все, что нашлось, на расправленный подол платья Лю Шуанцзюй. Побоявшись, что не до конца все вычистил, Ван Чанчи вывернул карманы, которые, словно пустые кишки, свесились вдоль его тела. Лю Шуанцзюй тоже выгребла все, что у нее было, в общую кучу. Ван Чанчи расправил все купюры и передал ей. Она дважды пересчитала деньги и объявила:

- Итого одна тысяча пятьдесят три юаня и шесть мао⁴, хватит самое большее на пять дней.
- Будем смотреть по ситуации.
- За пять дней твой отец не обязательно поправится.
- Ты думаешь, лучше забрать его домой?
- Не знаю. Ты мужчина, тебе и принимать решение.

Ван Чанчи зарылся лицом в ладони, его голову наполнило жужжание насекомых, напоминающая бурлящую воду или стук тысячи гладильных молотков. Только почувствовав, как затекла шея, он наконец поднял голову. Лю Шуанцзюй передала ему кучку смешанных купюр. Он их не взял и даже отстранился. Тогда Лю Шуанцзюй насильно запихала деньги ему в ладонь. Бумажки были мокрыми от пота, казалось, что Лю Шуанцзюй утирала ими свои слезы.

Тут со стороны больницы раздался чей-то крик, прислушавшись, они поняли, что зовут родственников больного со второй койки. Они вскочили и побежали. В коридоре уже собралась толпа больных. Ван Чанчи протиснулся внутрь и увидел ползущего по грязному полу Ван Хуая: он передвигался по-пластунски, подтягивая недвижимую часть тела локтями и оставляя за собой два длинных следа от ног.

- Ты куда собрался? – спросил его Ван Чанчи.
- Домой, – ответил Ван Хуай.
- И ты сможешь проползти двадцать с лишним километров?
- По крайней мере, доползу до автовокзала.

Толпа заплодировала. Ван Хуай делал движение вперед, и следом за ним на шаг вперед, словно наблюдая за диковинным животным, продвигались зеваки. Лю Шуанцзюй поставила перед ним носилки. Ван Хуай задрал голову и уставился на нее. Он долго так смотрел, пока у Лю Шуанцзюй не покраснели глаза и в них не заблестели слезы. Тогда Ван Хуай опустил голову и заполз на носилки.

Закончив с формальностями по выписке, Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй потащили носилки с Ван Хуаем на автовокзал. Подвешенные к носилкам пластиковое ведро, контейнеры для еды, армейская фляга, пакеты с продуктами и узел с одеждой терлись и шаркали друг о друга. Ван Хуай смотрел на синее небо: оно было огромным и чистым, словно его вымыли. Через полчаса они добрались до автовокзала и купили три билета. Носилки им пришлось поставить в проходе автобуса, так что сам Ван Хуай мог лежать только на боку. Час с лишним автобус трясся по горной дороге, пока не подъехал к расположенной в ущелье деревне.

Они вытащили из автобуса Ван Хуая и осторожно переложили на носилки. Ван Хуай сделал глубокий вздох облегчения: наконец-то он мог вытянуться во весь рост. В этот момент они заметили сидевшую у дороги собаку. Это была их собака, которая заметно отохла и покрывалась слоем грязи и пыли. Она спокойно наблюдала за ними, словно за незнакомцами. А может быть, столько дней бросаясь к каждому приезжему, она уже просто потеряла всякую надежду и отупела. Ван Чанчи позвал ее, и она крадучись пошла ему на встречу. Сперва она обнюхала ноги Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй, а затем бросилась облизывать лицо Ван Хуая. Ван Хуай крепко прижал ее к себе. Собака вырвалась из его объятий и закрутилась у ног Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй, потом снова бросилась к Ван Хуаю. Все трое оказались родными людьми, и теперь, не зная, к кому из них прильнуть, она бегала от одного к другому.

---

⁴ Мао – китайская денежная единица, одна десятая часть юаня.

Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй подняли носилки, а собака побежала впереди, словно показывая дорогу. Они шли через рощу; послеполуденное солнце то появлялось, то исчезало. Они миновали водохранилище, потом деревеньку Лунцзявань, сельсовет и наконец увидели чайную плантацию и свой дом. Тут Ван Хуай сказал:

– Ничего, что я остался инвалидом, зато у меня остались здоровые почки. Если Чанчи меня послушает и решит пойти на подготовительные курсы, то на худой конец я смогу продать одну почку. Чанчи, ты меня слышал?

– Слышал, – откликнулся Ван Чанчи.

– У тебя судьба быть богатым и успешным. Когда ты только родился, твой отец нашел гадалея, который предсказал, что ты сможешь стать чиновником местного уровня и превратиться в миллионера. Если же ты меня не слушаешь, не пойдешь на курсы и не поступишь в университет, то превратишься в такого же Ван Хуая, разобьешься насмерть, и всем будет на тебя наплевать.

Пока Ван Хуай продолжал разглагольствовать, собака шла, высунув язык, а Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй пыхтели рядом. Сначала они еще вникали в речь Ван Хуая, но когда устали, потеряли нить разговора, до них доносился лишь мерный стук поклажи о носилки. Вдруг их собака припала к земле. Ван Чанчи легонечко ее пнул, собака из последних сил сделала еще несколько шагов и снова упала.

– Я поняла, что ей надо, – сказала Лю Шуанцзюй, – все эти дни она наверняка ничего не пила и не ела.

Они опустили носилки на землю. Ван Чанчи дал собаке попить и накормил пампушкой. Казалось, что сил у нее прибавилось, но идти она по-прежнему не могла. Тогда Ван Чанчи положил собаку на носилки. Ван Хуай крепко прижал ее к себе. Они снова тронулись в путь.

– Неудивительно, что она не могла сразу выказать радость, оказывается, просто оголодала, – обронил Ван Чанчи.

7

Едва они вернулись домой, Ван Чанчи тут же побежал на рисовое поле. Их участок находился в конце деревни на середине горного склона. Все остальные соседи свой рис уже сжали, и только на их поле, поддаваясь напору ветра, волнами бушевала рисовая нива. Позолоченная солнцем желтая полоса простиралась на сколько хватало глаз. Но, приблизившись, Ван Чанчи обнаружил, что созревшие рисовые колосья попадали вкривь и вкось, за несколько дождливых и солнечных дней покрывшись плесенью; кое-где из упавших на землю зерен стали пробиваться ростки. Из-за того, что они вовремя не убрали свой рис, весь урожай грозил прямо на их глазах превратиться в компост. Ван Чанчи присел на корточки и стал собирать упавшие колосья. И только когда стемнело, он наконец разогнулся.

Поскольку большая часть риса у них пропала, полностью срезать колосья не имело смысла. Поэтому Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй стали собирать еще не испорченное зерно вручную. Они счищали зерна в ладонь и ссыпали их в закрепленные на поясах бамбуковые корзинки; когда корзинки наполнялись, они ссыпали зерна в заплечные корзины. Стояла сильная жара, нещадно палило солнце, особенно тяжело было собирать зерно на корточках среди колосьев, куда не долетал даже слабый ветерок. Жесткие листья до крови царапали лица, шеи и руки Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй, их больно обжигал струившийся по ссадинам пот. Насекомые, кишмя кишачие в окружающей поле роще, без усталости гудели над ухом, изводя душу своим назойливым жужжанием.

Прикованный к постели Ван Хуай, устав лежать в четырех стенах, за двадцать юаней нанял Лю Байтяо и Ван Дуна, чтобы те отнесли его на середину склона. Там покоилась ровная каменная глыба, вокруг которой выросла молодая поросль. Ван Хуай улегся на эту глыбу и с

высоты стал взирать на свое рисовое поле. Он увидел, как Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй, словно два кузнечика, перемещаются по золотисто-желтым волнам. Они приседали и выпрямлялись, то и дело смахивая пот, и каждое их движение болью отдавалось в груди Ван Хуая, нарушая ритм сердца. Он отупело смотрел вдаль.

– Время истекло, – объявил Лю Байтяо.

– Обычно утром тебя не добудешься, а сегодня вдруг стал таким точным, – ответил Ван Хуай.

– За лишнее время требуется заплатить.

Ван Хуай еле-еле отвел взгляд, и Лю Байтяо с Ван Дуном понесли его обратно.

Ван Чанчи попросил плотника сделать для Ван Хуая деревянную коляску. Когда коляска была готова, Ван Чанчи сначала испытал ее на себе. Она показалась ему жесткой, тогда он застелил ее ветошью и усадил в нее отца. Наконец-то Ван Хуай, который до этого только лежал, смог принять сидячее положение. Ван Чанчи выкатил коляску в коридор и дал в руки Ван Хуаю бамбуковую жердь. Тот уперся ею в пол, и коляска переместилась вправо. Ван Хуай огляделся, оттолкнулся снова, и коляска переместилась влево. Ван Хуай подумал: «Ну, хорошо, только что же я буду делать, когда доберусь до порога?» Только он об этом подумал, как заметил, что на всех порожках уже пропилены специальные выемки. Толкая коляску, он через главную дверь выехал на улицу. Окинув взором высокие и низкие дома деревни, он наконец остановил свой взгляд на карнизе дома Второго дядюшки. Ван Чанчи понял, что Ван Хуай был бы не против с ним пообщаться, поэтому, когда выдавалась свободная минутка, он расчищал путь до дома Второго дядюшки. Для этого ему понадобилось расширить дорогу, чтобы по ней свободно проходила инвалидная коляска.

Дорога была уже готова, однако Ван Хуай не спешил с визитом ко Второму дядюшке. Но как-то вечером, пока Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй с головой ушли в домашние дела, он под шумок выкатился за ворота и самостоятельно добрался до коровника Второго дядюшки. Едва его увидели бык и корова, как тотчас потянулись к нему и стали лизать его пальцы. Он хотел было их погладить, но они стояли слишком высоко. Словно поняв, чего он хочет, и бык, и корова опустились перед ним на колени. Он долго гладил их морды, так что его ладоням стало жарко. Когда на место подоспел Ван Чанчи, он как раз застал эту сцену. Ван Чанчи наблюдал за отцом издали. Наконец Ван Хуай сказал ему:

– Чанчи, отвези меня обратно.

Ван Чанчи подошел к нему и, толкая инвалидную коляску, повез отца домой.

– Знаешь, чего мне хотелось все эти дни? – спросил Ван Хуай.

– Не знаю.

– Мне бы хотелось превратиться в булыжник и скатиться куда-нибудь в пропасть с этого склона.

– Это больно. Да и к чему? Всевышний уже послал тебе достаточно мучений и, может быть, ради твоего же блага.

– Меня одолевает тревога, я не хочу, чтобы ты повторил мою судьбу.

– Но ведь ты же повторил судьбу деда?

– Всеу есть предел. Ты должен пойти на подготовительные курсы.

– Откуда у меня деньги?

– Начальник сказал, что ты можешь целый год посещать курсы бесплатно.

– А кто будет водить тебя в туалет? Кто будет обрабатывать землю?

– Это не твоя забота. Если ты поступишь в университет, я вмиг встану на ноги.

Коляска, шурша колесами, продвигалась вперед. Ван Чанчи молчал.

– С тех пор как ты появился на свет, я мечтаю о том, чтобы ты изменил свою судьбу. И это может вот-вот произойти – не смей сходить с этого пути!

– У меня нет таких больших способностей.

– Ты уже в четыре года узнавал иероглифы, в пять лет научился считать. Все говорят, что ты самородок.

– Если я уеду, мать здесь одна надорвется.

– Когда ребенку светит большое будущее, для родителей любые невзгоды награда.

– Но я вовсе не самородок, которым ты меня воображаешь.

– Ты просто ищешь отговорки. Ты не стоил того, чтобы я переломал себе кости!!

Сказав это, Ван Хуай упер в землю бамбуковую жердь, не давая коляске двигаться дальше. Прямо здесь дорога проходила мимо обрыва глубиной больше пятисот метров. Показав туда, Ван Хуай сказал:

– Раз ты не хочешь идти на курсы, мне незачем жить.

Ван Чанчи с силой толкнул коляску, чтобы двинуться дальше, но Ван Хуай намертво уперся в землю бамбуковой жердью, так, что та изогнулась дугой. Чем больше усилий прилагал Ван Чанчи, тем сильнее выгибалась жердь, рискуя вот-вот переломиться. Вдруг Ван Хуай ослабил хватку, и коляска устремилась вперед. Он одним рывком изменил ее направление, и она покатилась прямо к обрыву. Ван Чанчи ринулся следом, успев ухватить коляску у самой пропасти. Ван Хуай стал колотить сына по рукам, каждый его удар жердью попадал точно в цель, так что боль пронзала Ван Чанчи до самого сердца. Не в силах больше терпеть, Ван Чанчи, держа коляску, взмолился:

– Отец, перестань! Ладно, я тебе обещаю.

Ван Чанчи стал собирать вещи. Ли Шуанцзюй без конца напоминала ему, чтобы он не забыл документы, как в прошлый раз. Когда сборы закончились, Ван Чанчи достал тысячу юаней и передал родителям. Отсчитав пять сотен, Лю Шуанцзюй сказала:

– Это тебе на питание.

Ван Чанчи взял только одну.

– Ста юаней с расходами на транспорт и на еду тебе хватит только на месяц, – сказала Лю Шуанцзюй.

– Я что-нибудь придумаю, – ответил Ван Чанчи.

– Что тут можно придумать, если не воровать и не грабить?

С этими словами Лю Шуанцзюй стала совать деньги Ван Чанчи, но он их не взял.

Среди ночи Ван Чанчи проснулся от какого-то шороха. Через москитную сетку он увидел, как Лю Шуанцзюй запикивает деньги в его рюкзак. Он тут же закрыл глаза, притворившись спящим. На следующий день, закинув рюкзак на плечи, он отправился в путь. Ван Хуай и Лю Шуанцзюй провожали его, стоя на пороге. Лю Шуанцзюй бесконечно наказывала хорошенько смотреть за вещами, чтобы к нему не привязались воры. Ван Хуай в знак одобрения показал Ван Чанчи большой палец. Ван Чанчи бодро зашагал вперед. Ван Хуай и Лю Шуанцзюй вместе с собакой долго смотрели ему вслед, пока он не скрылся за выступом горы.

Утром третьего дня Лю Шуанцзюй решила пойти в поле собрать кукурузу. Для этого ей понадобилось переобуться в кеды. Едва она засунула правую ногу внутрь, как наткнулась на что-то твердое. Заглянув внутрь, она вытащила оттуда завернутый в целлофан сверток, а когда его развернула, обнаружила четыреста юаней. Лю Шуанцзюй так и ахнула. Она сказала Ван Хуаю, что Чанчи не взял с собой денег. Ван Хуай тяжело вздохнул:

– Будет очень жаль, если этот пацан не возьмется за учебу.

– Думаешь, он отправился не для того, чтобы учиться? – спросила Лю Шуанцзюй.

– А как он без денег сможет нормально учиться? – ответил Ван Хуай.

8

Добравшись до уездного города, Ван Чанчи направился на встречу с начальником отдела народного образования. Тот смотрел на него словно на инопланетянина.

– Я – сын Ван Хуая, – представился Ван Чанчи.

– А кто такой Ван Хуай? – спросил начальник.

Сердце Ван Чанчи тут же похолодело.

– Он чуть не погиб на ваших глазах, а вы даже не знаете, как его зовут?

Начальник хмыкнул, показав тем самым, что вспомнил, и спросил, по какому делу явился Ван Чанчи. Ван Чанчи объяснил, что хочет бесплатно посещать подготовительные курсы.

– Группы уже укомплектованы под завязку. Ты большой оптимист, если и правда думаешь, что туда можно попасть, да еще и бесплатно, – сказал начальник.

Тогда Ван Чанчи напомнил ему про данное им обещание. Но начальник ответил, что такого обещания со своей стороны он не помнит. Ван Чанчи поклялся, что тот обещал. Тогда начальник объяснил:

– Если даже я что-то такое и говорил, то только для того, чтобы спасти твоему отцу жизнь, это не стоило принимать всерьез. Сейчас во всем уезде сформировано лишь две группы подготовительных курсов из учеников средних школ старшей ступени, родители за всеми местами глядят в оба, и я не собираюсь подставляться.

У Ван Чанчи от волнения обмякли ноги, он весь покрылся холодным потом. Выйдя из кабинета, он спустился на первый этаж и вдруг вспомнил, что когда-то привозил с собой стул. Поискав глазами, он заметил свой стул на стойке охраны. Он объяснил ситуацию охраннику и, забрав стул, вышел вон. Потом Ван Чанчи направился напрямик в центр города к бывшему руководителю курсов. Тот слышал об инциденте, связанном с его отцом. Он крепко пожал Ван Чанчи руку и похлопал по плечу. Ван Чанчи сказал, что хочет ходить на подготовительные курсы, руководитель повел его к директору. Директор тоже слышал про отца Ван Чанчи и тоже крепко пожал ему руку и похлопал по плечу, после чего повел в группу, где проходили курсы. Две аудитории были забиты слушателями до отказа, лишь во второй группе у самой двери в последнем ряду виднелась небольшая брешь. Ван Чанчи поставил туда свой стул, уселся и стал слушать лекцию.

Поскольку у него был лишь стул и не было парты, ребята прозвали его «мистер Стул». Собственно, если бы даже парта и нашлась, ее все равно некуда было бы поставить. Ван Чанчи всегда носил в рюкзаке картонку, которую на занятиях клал себе на колени, чтобы удобнее было писать. Поскольку картонка лежала под наклоном, а зрение у Ван Чанчи было неважное, то иероглифы в рабочей тетради и на проверочных бланках выходили у него то крупными, то мелкими. Когда он писал, ему каждый раз приходилось сильно наклонять голову, так что за две недели у него вытянулась шея.

Как-то раз после обеда в аудитории раздался грохот, все обернулись назад и увидели, что из поля зрения исчез «мистер Стул» – скрюченный, он лежал на полу. Четверо ребят подняли Ван Чанчи и отвели в медпункт. Доктор спросил, что его беспокоит, а тот еле выдавил из себя лишь одно слово. Не расслышав, доктор попросил повторить: этим словом оказалось «голод». Врач тотчас поставил ему капельницу. Жидкость, быстро капая, то и дело отсвечивала, продвигаясь вниз по прозрачной трубке.

Предыдущие несколько недель Ван Чанчи питался лишь жидкой рисовой кашей, причем только один раз в день. Когда его мучил голод, он просто пил воду из-под крана. Но сколько бы воды он ни пил, это мало помогало. Тогда Ван Чанчи стал разбавлять в воде сахар. На занятие он всегда приносил с собой подслащенную воду собственного приготовления. Раз за разом такой воды ему требовалось все больше, зачастую за одно занятие он выпивал целую

бутылку. Чем больше воды он пил, тем чаще ее нужно было выводить, а чем чаще он ее выводил, тем слабее становился его организм. Как будто вместе с мочой из него вымывались все питательные вещества. В самом начале у Ван Чанчи еще была вера в то, что в будущем он станет достойным кандидатом, поэтому все трудности он воспринимал не иначе как испытание на прочность. Несмотря на голод, Ван Чанчи занимался на час дольше, чем остальные ребята. Когда в общежитии гасили свет, он выходил на улицу и устраивался под фонарным столбом. В первую неделю иероглифы в учебниках выглядели как обычно, да и материал усваивался хорошо. Однако, начиная со второй недели иероглифы перед его глазами не только запестрели всеми цветами радуги, но еще и замельтешили в разные стороны. Так что невозможно было не только что-то запомнить, но даже просто разглядеть эти самые иероглифы. Реальность оказалась куда суровее фантазий. Ежедневно Ван Чанчи приходилось бороться с головокружениями, провалами в памяти, зевотой, сонливостью и изнеможением. Чтобы хоть как-то сэкономить свои силы, он отказывался от физкультминуток и зарядок для глаз. На переменах он практически всегда просто сидел с закрытыми глазами. Каждый раз, когда он моргал, ему казалось, что классная доска меняет цвет: будучи только что зеленой, она вдруг становилась красной, это происходило столь же молниеносно, как изменение цвета табло на фондовой бирже. Иногда вся аудитория сияла перед ним золотым светом, а иногда погружалась в кромешную тьму, словно кто-то внезапно вырубал электричество. Поскольку такие отключения с каждым разом происходили все чаще и становились все более продолжительными, в конце концов Ван Чанчи упал в обморок.

Из забытья его вывел густой запах еды. Этот запах вышел из закуской, которая располагалась у входа в школу, миновал двадцать ступенек, пересек спортплощадку, обогнул цветник и наконец остановился перед самым носом Ван Чанчи. Открыв глаза, он увидел чашу с мясной лапшой, которую держал в руках его одноклассник по фамилии Ли. Ван Чанчи глубоко вдохнул; для него это было таким потрясением, будто он увидел Ван Хуая и Лю Шуанцзюй. Одноклассник собрался его покормить, поэтому Ван Чанчи уселся на кровати, взял чашу и опустошил ее в несколько глотков. Чтобы еда как следует улеглась в желудке, он на какое-то время замер в одной позе. Одноклассник потянулся за пустой тарелкой, но Ван Чанчи вцепился в нее мертвой хваткой и не отпускал. Однако через несколько секунд рука его дрогнула, и тарелка со звоном разбилась об пол. Придя в себя, Ван Чанчи извинился. Доктор спросил его, нуждается ли его семья. Ван Чанчи посмотрел на одноклассников. Хлопая глазами, те ждали его ответа. Немного поколебавшись, Ван Чанчи сказал, что они ни в чем не нуждаются.

– Тогда почему ты довел себя до такого состояния? И так уже превратился в бамбуковую жердь, неужели и дальше собираешься худеть? – не отставал врач.

Бледное лицо Ван Чанчи залила краска, он стыдливо понурил голову и сказал:

– Ничего страшного, со мной уже все в порядке.

После чашки мясной лапши и подпитки глюкозой его голова снова заработала, и он наконец понял, что если какую бы то ни было мечту не подпитывать белками, жирами, углеводами, витаминами, минеральными солями и водой, то она, твою мать, будет обречена на провал! Выдернув капельницу, Ван Чанчи отправился к Хуан Кую. Хуан Куй для начала его накормил. Ван Чанчи съел две чашки рисовой лапши, два яйца и, сытый, откинулся на стуле.

– Будешь моим напарником? – спросил Хуан Куй.

Даже не спросив, что именно ему придется делать, Ван Чанчи согласился.

Хуан Куй провозгласил себя генеральным директором компании, которая расположилась в лавке на улице Сяохэцзе. На одной половине помещения занимался своими делами Хуан Куй, а на другой – вел мелкую торговлю его отец. Вывеска над их заведением гласила: «Торговая компания „Тихоокеанский рубеж“», хотя никаких связей с Тихим океаном оно не имело. Впрочем, если притянуть это название за уши, то оно могло относиться к протекавшей прямо напротив небольшой речушке, которая в конечном итоге впадала в Тихий океан. Что касается

так называемой торговой деятельности, то кроме мелочевки, которую продавал отец Хуан Куя, никакой другой торговли здесь не велось. При этом их ежедневный приток капитала, включая себестоимость товара, не превышал двухсот юаней. Основная работа Хуан Куя заключалась в сборе чужих долгов, а именно – в их выколачивании. Если ему это удавалось, то он получал отчисления в свой карман. Ван Чанчи объяснил, что ничего не смыслит в бизнесе, на что Хуан Куй ему ответил:

– Это просто. Когда меня будут выбрасывать из окна, ты просто будешь ловить меня внизу.

– С какого этажа? – поинтересовался Ван Чанчи.

– Да без разницы, – отмахнулся Хуан Куй.

Ван Чанчи испуганно посмотрел на свои руки. Хуан Куй несколько раз отправлялся на дело, неизменно одеваясь с иголки, точно занимался серьезным бизнесом. Ван Чанчи он с собой никогда не брал, но при этом ни разу не возвращался с пустыми руками. Получив отчисления, он приглашал Ван Чанчи отметить это дело застольем. Во время таких званных обедов Ван Чанчи чувствовал себя в сравнении с Хуан Куем совершенным ничтожеством. Когда Хуан Куй уходил по своим делам, Ван Чанчи помогал его отцу торговать. Хуан Куй, увидев это, спросил:

– Тебе это приносит какую-то пользу?

Не зная, о какой пользе идет речь, Ван Чанчи ответил:

– Все равно я сижу без дела, так лучше уж буду помогать в торговле.

Отец Хуан Куя на это заметил:

– Не слушай его, у него еще лобок не опушился, а он уже свысока смотрит на мою торговлю. А сам-то он за счет чего вырос? Не за счет ли папкиной лавки?

По вечерам Ван Чанчи оставался присматривать за лавкой, а заодно помогать с делами. Когда же Хуан Куй с отцом уходили домой, Ван Чанчи продавал товар и одновременно готовился к занятиям. Иногда Хуан Куй оставался в лавке вместе с Ван Чанчи, чтобы поболтать и выпить. Как-то раз поздней ночью Хуан Куй выпил лишнего, после чего взял и выбросил все учебники Ван Чанчи. Пролетев пять метров над дорогой, книги упали прямо в речку. Ван Чанчи прыгнул за ними следом и выловил все до единой. Его одежда вымокла, учебники тоже размокли. Ван Чанчи развесил одежду и книги на сетке кровати и стал их сушить вентилятором. Хуан Куй сказал:

– Ну, допустим, ты поступишь в какой-нибудь университет и после его окончания заделаешься чиновником. Но сейчас даже чиновники все поголовно торгаши. Так на кой тебе вообще куда-то поступать?

– Я не собираюсь бросать это дело, я должен сделать это ради родителей.

– Раз ты хочешь сдавать экзамены, так иди на свои курсы, нечего тут вертеться, – сказал Хуан Куй.

Ван Чанчи выключил вентилятор, и страницы учебников тут же присмирели.

– В голодную пору ты мечтал о еде, а теперь отъелся и снова стал витать в облаках, – не унимался Хуан Куй.

– Мне казалось, что мои занятия не мешают торговле.

– Если у тебя нет амбиций, сколько ты можешь заработать?

На следующий день Хуан Куй повел Ван Чанчи в парикмахерскую, чтобы его обрили наголо. Ван Чанчи спросил, можно ли ему оставить хотя бы короткий ежик.

– Ты должен сверкать своей лысиной, – отрезал Хуан Куй.

Когда его стали брить наголо, Ван Чанчи не смог сдержать слез. Это напоминало ему ритуал пострижения в монахи, который совершался против его воли.

Каждый день Ван Хуай сидел в своей инвалидной коляске и долго всматривался в горную долину. После этого росший в долине клен отпечатывался в его голове словно цветное фото. Ван Хуай запросто мог с закрытыми глазами восстановить контур его кроны, расположение веток и густую листву. Переживая, что у Ван Чанчи нет средств на пропитание, он попросил Второго дядюшку сходить на почту и отправить переводом пятьсот юаней. Второй дядюшка передал ему копию чека. Ван Хуай положил бумажку в левый нагрудный карман и в свободную минуту вытаскивал ее и рассматривал, словно то был экзаменационный бланк с ответом Ван Чанчи, на котором учитель выставил ему пять раз по сто баллов. Кроме приемов пищи, практически все остальное время Ван Хуай проводил, просто глядя вдаль. Бездельник Лю Байтяо частенько заходил к нему попросить сигарету. И хотя приходил он только ради сигареты, начинал он издали. Свой разговор он заводил всегда одинаково:

– Брат Хуай, чего ты там высматриваешь?

– Чанчи.

– Разве ты его увидишь на таком расстоянии?

– Да тут все как на ладони.

– Чем он у тебя занимается?

– Учится.

– И как его учеба?

– Лучший в группе.

– Был бы у меня такой напористый парень, я бы каждый день приглашал гостей.

В такие моменты в девяти случаях из десяти Ван Хуай вытаскивал сигарету, протягивал ее Лю Байтяо и даже подносил огонек. Они курили и говорили о Ван Чанчи. Лю Байтяо многократно повторял, что видел во сне, как Чанчи стал крупным чиновником и на самолете забрал Ван Хуая с Лю Шуанцзюй в большой город. Ван Хуай растягивал рот в улыбке и говорил:

– На самолете – это уже перебор, а вот на автомобиле – вполне возможно.

Тогда Лю Байтяо замечал:

– Когда этот день и правда наступит, будешь мне каждый месяц дарить по сигарете.

– Чего мелочиться, – отвечал Ван Хуай. – Сразу попросим в подарок новую дорогу.

– Мне все равно машина не по карману, так что дорогу дарить ни к чему, уж лучше сигаретку.

Тогда Ван Хуай вытаскивал целую упаковку и говорил:

– Дарю тебе заранее.

Лю Байтяо нарочито отнекивался, пока Ван Хуай не начинал сердиться:

– Ты меня совсем не уважаешь? Это ведь всего лишь сигареты.

И тогда Лю Байтяо, довольный, принимал подношение. Остальные подобные Лю Байтяо бездельники, которым хотелось задарма получить курева или домашней бражки, всегда пользовались тем же приемом, то есть начинали разговор с прославления Ван Чанчи. Ван Хуаю никогда не надоедало слушать, как расхваливают его сына, в такие моменты его рот, казалось, расплзался до ушей. Лю Шуанцзюй, узнав, что люди за спиной смеются над ее мужем, как над сумасшедшим, рассказала об этом Ван Хуаю. Но тот похихикал и стал ей объяснять:

– Это ведь сродни молитвам. Когда много молишься, боги тебе обязательно помогут. Думаешь, зачем на праздники принято говорить благопожелания или к чему их расклеивают на воротах? Так что пусть возносят свои хвалы.

Каждый день Ван Хуай ставил перед алтарем три свечи. В такие минуты он, вместо того чтобы молиться о своем выздоровлении, просил лишь, чтобы Ван Чанчи поступил в университет и в будущем стал крупным чиновником. Иногда он просыпался с улыбкой на губах; в боль-

шинстве случаев это происходило после сна о том, как Ван Чанчи назначили начальником уезда. И если на следующий день кто-нибудь приходил к нему за сигаретами или выпивкой, он непременно пересказывал свой сон. Тогда деревенские мужики спешили передать друг другу эту новость и поочередно шли к Ван Хуаю послушать его сон и получить от него подачку. В такие моменты он забывал о своей боли, о своих невзгодах, точно его сон был самой настоящей явью. И пусть пока он не стал реальностью, но Ван Хуай верил, что рано или поздно такой день наступит.

В оттенках кленовых листьев появились едва уловимые изменения, теперь над кроной дерева виднелась чуть заметная светло-желтая полоса. Другие ничего не замечали, эту разницу мог уловить лишь Ван Хуай, который смотрел на клен каждый день. Как-то вечером в их деревню пришел почтальон и вернул Второму дядюшке бланк почтового перевода с надписью: «Адресат по данному адресу не проживает». Ван Хуай и так и сяк рассматривал бланк: адрес верный, фамилия и имя тоже, оставался лишь один вопрос: куда испарился Ван Чанчи? В один миг мечты Ван Хуая разбились вдребезги, он весь обмяк, словно разваренная лапша. Куда-то исчез росший в долине клен, кровля дома Второго дядюшки тоже исчезла. Разом наступила кромешная тьма, да такая, что Ван Хуай не мог разглядеть пальцев на вытянутой руке, перед глазами не было ни единой крапинки, ни намек на свет, пропали даже звуки. Лю Шуанцзюй позвала его ужинать, он ее не услышал. Тогда она сама завезла его в дом. Пристально глядя в сторону зажженной лампы, он спросил, почему не горит свет. Лю Шуанцзюй ответила, что свет в комнате включен. Тогда Ван Хуай попросил ее закрыть дверь, вытащил бланк перевода и сказал:

– Завтра тебе нужно будет поехать в город, это очень срочно.

Уставившись на штамп «Адресат по данному адресу не проживает», Лю Шуанцзюй, которая все это время из кожи вон лезла, день и ночь работая то дома, то на поле, горько зарыдала.

– Будешь так рыдать, услышит Лю Байтяо, – пресек ее Ван Хуай. – А если услышит Лю Байтяо, об этом узнает вся деревня.

Лю Шуанцзюй заглушила рыдания и, всхлипывая, спросила:

– Может, привезти ему каких-нибудь продуктов?

– Этому выродку если что и везти, так только хлыст, – отчеканил Ван Хуай.

Среди ночи Ван Хуай разбудил Лю Шуанцзюй. Та спросила:

– Чего тебе?

– Не могу уснуть, может, сидя будет лучше.

Лю Шуанцзюй усадила его в инвалидную коляску и снова улеглась спать. Ван Хуай, отталяясь шестом, покатыл из спальни на кухню. Там он стал нюхать, не осталось ли чего поесть. Когда он сдвинул с кастрюли крышку, та с шумом упала на пол. Ван Хуай перегнулся через подлокотник, чтобы ее поднять, но ему это никак не удавалось. Он изо всех сил тянулся к ней правой рукой, так что у него уже натерло подмышку, наконец он коснулся ее края кончиками двух пальцев. Но не тут-то было: крышка отодвинулась вперед. Тогда он подкатился к ней ближе. Он снова стал изо всех сил тянуть к ней руку, пока опять не дотянулся до нее кончиками двух пальцев. Прокручивая крышку, он подцепил ее за край, но в тот самый момент, когда он уже хотел перехватить ее в ладонь, крышка соскользнула и со звоном снова упала на пол. Однако он не сдавался и тянулся к крышке снова и снова, потратив на это занятие почти час, пока наконец не поднял ее с пола. Когда он сделал это, его переполнила волна радости. Он поднял крышку над собой, испытывая такой же душевный подъем, как если бы держал в руке золотую олимпийскую медаль. Зато за тот час с лишним, что он боролся с крышкой, ему удалось вышвырнуть из головы фразу «Адресат по данному адресу не проживает».

Утром Лю Шуанцзюй вошла на кухню и увидела, что Ван Хуай, свесив голову, крепко спит в своей коляске. Прямо перед ним стояла корзинка со сваренным яйцом и бататом.

– О боже! – удивилась Лю Шуанцзюй. – Как ты это сделал?

Ван Хуай от неожиданности проснулся и захлопал глазами.

– Ты ведь сказал, что не нужно ему ничего везти, – напомнила Лю Шуанцзюй.

– А вдруг мы напрасно его виним? Вдруг его распределили в другое заведение или его кто-нибудь обманул? В любом случае я должен поехать в город вместе с тобой.

– Как ты в таком состоянии доберешься до города? – спросила Лю Шуанцзюй.

– Я уже придумал как.

Поскольку яйцо было только одно и есть его было жалко, они позавтракали бататом. Ван Хуай попросил Ван Дуна и Лю Байтяо с каждой стороны коляски привязать по бамбуковому шесту, после чего они отправились в путь. Лю Шуанцзюй с мешком за спиной шла впереди. Ван Дун и Лю Байтяо, подняв коляску с Ван Хуаем, двигались позади. Тяжело пыхтя, они прошли сельсовет, потом деревеньку Лунцзявань, потом водохранилище, и наконец, все мокрые от пота, вышли к трассе, где два часа прождали рейсовый автобус. Тогда они погрузили в него Ван Хуая вместе с его инвалидной коляской. Автобус резко сорвался с места, оставляя за собой длинный шлейф пыли. На повороте Ван Хуай в окно увидел, как этой пылью накрыло Ван Дуна с Лю Байтяо, она поглотила даже горную тропку, что вела в их долину.

10

Когда Ван Чанчи побрили наголо, Хуан Куй купил ему костюм, подобрал темные очки, после чего подвел его к зеркалу в туалете. Ван Чанчи долго пялился на отражение, прежде чем узнал в нем себя.

– Ну как? – спросил его Хуан Куй.

– Как мафиози.

– То, что надо, – ответил Хуан Куй. – Раньше твоим видом даже комара было не испугать.

Ван Чанчи, подумав, что он и так уже долго питался задарма, решил наконец рассчитаться с долгами.

Первая задача, которую возложил на него Хуан Куй, заключалась в том, чтобы просто сходить с ним за компанию к одному типу. Этот тип задолжал заказчику больше одного миллиона трехсот тысяч юаней и теперь отказывался их возвращать, так что заказчик поручил Хуан Кую выбить этот долг. Ван Чанчи спросил:

– Я буду просто стоять сзади и все?

– Типа того, только нужно захватить нож.

Ван Чанчи тут же бросило в жар, он сказал:

– К убийствам и поджогам я не готов.

Хуан Куй вытащил из выдвижного ящика сверкающий кухонный нож и заявил:

– До этого не дойдет, нужно будет просто отрезать ему один палец.

– Ты будешь резать или я? – спросил Ван Чанчи.

– Разумеется, ты. Где это видано, чтобы такой работой занимался генеральный директор?

С этими словами Хуан Куй протянул нож Ван Чанчи. Ван Чанчи ножа не взял, ноги его дрожали, ему казалось, что он вот-вот обмочится.

– Знаешь, почему жалят осы или почему кусают собаки? Да потому что их вынуждают это делать! В наше время успеха добиваются только злодеи.

В голове Ван Чанчи образовался вакуум. Человек, что стоял перед ним, вдруг показался ему незнакомцем, которому не хотелось смотреть прямо в глаза. Между тем Хуан Куй насильно засунул нож в руку Ван Чанчи, которому почудилось, будто он сжал кусок льда: холод пробежал по его спине и спустился до самых пяток. Хуан Куй снял с Ван Чанчи темные очки и стал учить:

– Твой взгляд должен походить на пулю, его должна переполнять ненависть.

Ван Чанчи с помощью бровей старался изменить свой взгляд, а Хуан Куй его подначивал:

– Еще злее.

Ван Чанчи скосил глаза сильнее, а Хуан Куй все не унимался:

– Еще злее.

И только когда Ван Чанчи почти свел глаза к переносице, Хуан Куй положил на стол правую руку и скомандовал:

– А теперь я – это твой враг.

Глядя на его мягкую «медвежью лапу», которая не раз дружески трепала его по голове, Ван Чанчи никак не мог заставить себя поднять нож и замахнуться.

– Легче сдохнуть, чем дать тебе поручение, – сказал Хуан Куй.

– Что поделать, не из того теста я сделан.

– Не стоит так легко сдаваться, – не отставал Хуан Куй. – Попробуй сделать это с закрытыми глазами.

Ван Чанчи закрыл глаза. Хуан Куй велел:

– Я уже убрал руку, руби наотмашь.

Ван Чанчи открыл глаза.

– Но ведь твоя рука еще здесь. Я чуть не рубанул.

– Нечего следить за моей рукой. Закрывай глаза.

Ван Чанчи снова закрыл глаза. Хуан Куй убрал руку и сказал:

– Руби.

– Прямо по-настоящему?

– Хватит трепаться!

Ван Чанчи стиснул зубы и решительно опустил нож, который тут же вонзился в столешницу. Хуан Куй сказал:

– Твоя задача – рубить, а я буду отвечать за то, чтобы вовремя убрать руку.

– То есть, мы просто его припугнем?

– Нет, иногда приходится пускать кровь по-настоящему, в противном случае нам перестанут возвращать долги.

Ван Чанчи понимающе кивнул.

– Хуан Куй! – неожиданно донесся до них чей-то знакомый голос.

Ван Чанчи посмотрел в сторону двери и резко напялил черные очки. Хуан Куй шикнул на него, чтобы тот молчал. Через порог переступила Лю Шуанцзюй. Словно муравей во время переезда, она тащила на спине баул, стул и еще толкала перед собой коляску с Ван Хуаем. Хуан Куй пошел навстречу и принял у нее вещи. Лю Шуанцзюй и Ван Хуай перевели дух, осмотрелись по сторонам, на какой-то момент задержали свои взгляды на Ван Чанчи, после чего усталились на Хуан Куя.

– Мы искали Чанчи и в Первой уездной школе, и во Второй, но нашли только этот стул. Ты не знаешь, куда он подевался? – спросил Ван Хуай.

– Он уехал на подработку.

– А почему нам не сказал?

– Просто еще ничего не заработал, вот и не хотел беспокоить.

– И куда он поехал?

– В центральный город провинции.

– У тебя есть его адрес?

– Нет.

Ван Хуай тяжело вздохнул, он был бледен как смерть, его грудь ходила ходуном. Лю Шуанцзюй погладила его по груди и дала попить. Он поперхнулся и зашелся в кашле. Лю Шуанцзюй стала бить его по спине. К этому моменту Ван Чанчи уже еле держался на ногах, в его носу нестерпимо щипало. Но он крепился изо всех сил, проверяя свое сердце на прочность. Ван Хуай по-деревенски грубо выругался и сказал:

– Я его просил хорошенько учиться, а он не послушал – ну куда это годится!

– Вот Ли Цзячэн⁵, например, не кончал университетов и при этом как-то разбогател, – ответил на это Хуан Куй.

– То – Ли, а то – Ван, как можно сравнивать совершенно разных людей? – отреагировал Ван Хуай.

Лю Шуанцзюй открыла сумку и выложила на стол яйцо и батат.

– Яйцо от нашей собственной курицы, батат тоже с нашего огорода. Все это мы привезли для Чанчи, не думали, что он сбежал, – сказала Лю Шуанцзюй.

Хуан Куй почистил яйцо и откусил. В комнате сразу запахло чем-то по-особенному домашним, в нос ударил аромат деревни. Ван Чанчи сглотнул слюну, пересиливая себя. Ван Хуай тоже сглотнул слюну и сказал:

– Самим есть было жалко, для него вот припасли.

– Вы с Чанчи были в классе лучшими друзьями, – сказала Лю Шуанцзюй. – Увидев тебя, мы словно увидели его, так что если этот гостинец съешь ты, нам все равно будет приятно.

Хуан Куй с аппетитом уплетал гостинец, так что с его губ летели крошки. К глазам Ван Чанчи подступили слезы.

– Если он выйдет с тобой на связь, ты уж, пожалуйста, уговори его вернуться к учебе, умоляю тебя, – попросила Лю Шуанцзюй.

Хуан Куй кивнул, а Лю Шуанцзюй продолжала:

– На мне и свинья с курами, и готовка, и работа по хозяйству, и ремонт дома, но я никогда не жаловалась, что мне тяжело. Как представляю, что он в будущем выбьется в люди, так любые трудности готова вынести.

По щекам Ван Чанчи, щекоча, поползли слезы; почувствовав, что они вот-вот повиснут на подбородке, он украдкой смахнул их ладонью, которая тут же стала мокрой.

– Вот ведь какой никудышный уродился, лучше бы мне и вовсе его не знать, – подал голос Ван Хуай.

– Это ему тоже передать? – спросил Хуан Куй.

– Не надо, – вступила в разговор Лю Шуанцзюй. – Лучше скажи, что мы по нему соскучились. Если он и правда не хочет учиться, пусть возвращается домой, будет со мной работать в поле. Подрабатывать на чужбине не сладко, денег у него при себе нет, никого из родственников в городе тоже нет. Уж и не знаю, как он там живет, да и жив ли вообще...

Тут Ван Чанчи с грохотом повалился на колени и, крикнув: «Ма!», разрыдался. Лю Шуанцзюй и Ван Хуай от испуга остолбенели и недоуменно уставились на него. Ван Чанчи снял темные очки и, заливаясь слезами, запричитал:

– Это же я, ма...

На глазах Лю Шуанцзюй вмиг выступили слезы.

– Какое бесстыдство! – сказал Ван Хуай и закрыл глаза. Переждав, пока рыдания Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй утихнут, он открыл глаза и сказал:

– Переодевайся.

Ван Чанчи нашел свою старую одежду, нырнул в туалет, переоделся и вышел.

– Собирай вещи, – скомандовал Ван Хуай.

– Это еще зачем? – спросил Хуан Куй. – Он здесь работает.

Ван Чанчи посмотрел сначала на Хуан Куя, затем на отца.

– Пошевеливайся, – поторопил его Ван Хуай.

Ван Чанчи собрал одежду с высушенными учебниками и все сложил в сумку.

– Куда вы его забираете? – спросил Хуан Куй.

– Туда, куда надо, – отрезал Ван Хуай.

Ван Чанчи взял в руки сумку, Хуан Куй, обращаясь к нему, сказал:

---

⁵ Ли Цзячэн – известный китайский миллиардер, один из самых влиятельных бизнесменов Азии.

- Да у тебя мозгов нет, еще чуть-чуть, и ты бы заработал кучу бабок.
- Прости меня, брат, – ответил Ван Чанчи.
- Будешь слушать его, никогда не выбьешься в люди, – сказал Хуан Куй.
- Я хочу учиться, – настаивал Ван Чанчи.
- Раздосадованный Хуан Куй ударил кулаком по столу.
- Идем, – приказал Ван Хуай сыну.

Выкатывая отца с коляской за порог, Ван Чанчи несколько раз украдкой оглядывался на Хуан Куя.

Они добрались до школы и встали под дерево, что росло у спортплощадки.

– Путаясь с Хуан Куем, ты рано или поздно влип бы в неприятности, – сказал Ван Хуай. – Если ты намерен учиться, то мы займем денег, но поддержим тебя.

Закусив нижнюю губу, Ван Чанчи согласно закивал, а потом забросил стул на плечо и зашагал в школу. Он пересек пустующую спортплощадку, зашел внутрь, показался в пролете второго этажа, повернул направо и по коридору прошел к самой последней двери. Потом он помахал Ван Хуаю и Лю Шуанцзюй, после чего снял с плеча стул и зашел в аудиторию. Ван Чанчи уселся на свое прежнее место у двери в конце класса, поэтому даже издали можно было увидеть его силуэт в дверном проеме. Ван Хуай и Лю Шуанцзюй еще долго смотрели на него, словно любовались фотографией.

Из аудитории донесся хор учеников, читающих вслух.

11

Сдавая экзамен летом следующего года, Ван Чанчи проходного балла не набрал, он не набрал даже до минимального уровня, который требовался для поступления в училище. Когда он переступил порог родного дома, ноги его обмякли, и он рухнул на колени перед Ван Хуаем. Ван Хуай закрыл глаза и стал сжимать и разжимать пальцы рук, словно силился из воздуха выжать воду. Ван Чанчи готов был провалиться сквозь землю от стыда, он бы с большим удовольствием оказался в отцовом кулаке, чтобы тот его раздавил. Пока Ван Хуай сжимал и разжимал свои пальцы, время тянулось бесконечно долго, так долго, что, казалось, можно задохнуться. От инвалидной коляски терпко пахло мочой. Ван Чанчи опустил взгляд и увидел, что Ван Хуай одет в обрезанные из обычных короткие штаны, на которых красовались две большие дыры и множество мелких дырочек. Большие дыры образовались от долгой носки, а мелкие дырочки – от сигаретного пепла. Высохшие ноги Ван Хуая, костистые, почти без плоти, походили на две чайные ветки. Босые ступни были заляпаны грязью, на пальцах отросли длинные черные ногти. Наконец Ван Хуай перестал сжимать кулаки и открыл глаза. Он тяжело вздохнул и спросил:

- Почему твои результаты стали хуже?
- Тема была сложнее, чем в прошлом году.
- Да хоть в десять раз сложнее, ты не должен был упасть на сто баллов.
- Я... не пропускал занятий, спал по минимуму, зубрил, как ненормальный, перепробовал все средства.
- Значит, у тебя просто дурная башка.
- Может и так. В моей башке так много всего накопилось, что я уже ничего нового не могу запомнить.
- Что за чушь! – сказал Ван Хуай и, повернув голову в сторону ущелья, спросил: – Чем думаешь заняться?
- Трудиться дома.
- Тогда ты всю жизнь проведешь вот так, стоя на коленях.
- Я не такой умный, каким ты меня представлял, у меня нет больших способностей.

- Они у тебя есть, нужно лишь продолжать учиться, и они проявятся.
- Но... я больше не хочу учиться.
- Значит, ты меня, то есть нас, не достоин.

С этими словами Ван Хуай уперся бамбуковой жердью в землю, и его коляска со скрипом покатила вон. На ее четыре колеса намоталось столько всякой дряни, что продвигалась она теперь очень медленно и с большим трудом. Ван Чанчи поднялся с колен и посмотрел вдаль. Деревья в горах покрывала роскошная зелень, их мясистые листья сияли на солнце, волны жары доносили аромат трав и деревьев, такими же волнами накатывал стрекот насекомых. Посреди горы золотились рисовые поля.

Ван Чанчи с Лю Шуанцзюй собирали рис. Лю Шуанцзюй срезала колосья, а Ван Чанчи складывал их в снопы. В промежутках между работой они усаживались в прохладной тени под деревом, что росло у кромки поля. Лю Шуанцзюй рассказывала ему обо всем, что произошло в деревне за прошедший год. У Лю Байтяо из-за пристрастия к азартным играм накопился долг больше тысячи юаней, поэтому жена его чуть не спалила дом. У семьи Тянь Дайцзюня кто-то украл двух коров, поговаривают, что их украли чужаки по наводке Чжан Сяньхуа. Дочка Чжана Пятого уехала на подработку в центральный город провинции и теперь каждый месяц присылает деньги, так что их семейство уже выстроило бетонный дом в два с половиной этажа. Жена Ван Дуна заболела по женской части и теперь постоянно принимает лекарства, а поскольку она повсюду разбрасывает свои коробочки с инструкциями, то уже и дети малые в курсе, что у нее «эрозия шейки матки» и «нарушение менструального цикла»...

Лю Шуанцзюй хватило двух дней, чтобы рассказать все деревенские новости, но за это время они убрали лишь половину поля. Пока они трудились в душной безлюдной долине, за неимением других тем для разговора, Лю Шуанцзюй стала рассказывать про себя. Она рассказала, как однажды вечером, когда мыла овощи, перегнувшись через край колодца, к ней пристал проходивший мимо Ван Дун.

- Ты ему поддалась? – спросил Ван Чанчи.
- У меня под рукой оказался навоз, сыпанула в него целый ковш, мало не показалось.
- Отец про это знает?
- Я ему сказала.
- И как он к этому отнесся?

Лю Шуанцзюй вдруг смахнула слезу и сказала:

– Так же, как и я. Сказал, что пока тебя не примут в университет, мы не вправе совершать никакие гнусные дела, а если тебя примут, то я могу поступать как вздумается. Он прекрасно знает, что я не из тех людей, которые поступают как вздумается, но все равно так сказал. Каждый день мы возжигали свечи, молились богам и предкам и боялись допустить даже малейшей греховной мысли, чтобы только не навредить тебе. Муравья боялись растоптать, ни единой курицы не зарезали, всем и во всем уступали. Мы даже стерпели, когда Чжан Сяньхуа засеяла землю прямо рядом с могилой твоей бабушки. Предки и боги тому свидетели: если бы даже тебя приняли, я бы все равно не поступила правилами. Мы не можем помочь тебе в написании сочинения, зато можем накопить для тебя добродетель.

У Ван Чанчи мучительно сжалось сердце, он никак не ожидал, что его поступление в университет может быть хоть как-то связано с интимной жизнью его матери и муравьями, что ползали под ногами родителей. Несколько следующих дней он вообще не разговаривал, его мать, похоже, тоже уже выговорила. Ван Чанчи брал в охапку колосья и остервенело бил ими о специальный короб с высокими стенами по трем сторонам; зерно дружно осыпалось внутрь, а звучные удары эхом разносились вокруг, отчего долина казалась еще более безмолвной.

Ван Хуай в своей коляске управлялся на кухне. Каждый день, когда Ван Чанчи и Лю Шуанцзюй возвращались домой, их ждал горячий обед или ужин. Кроме готовки, Ван Хуай

мог лущить кукурузу, подметать пол, кормить кур, заваривать чай. Каждый вечер после ужина Ван Хуай уговаривал Ван Чанчи снова пойти на подготовительные курсы. Ван Чанчи говорил:

– Если я уеду на курсы, по плечу ли вам будет ноша?

– Не вопрос, – отвечал Ван Хуай, – ведь этот год мы как-то выдержали.

Ван Чанчи в это не верил. За этот год на него было потрачено одна тысяча двести юаней, что включало расходы на питание, одежду, учебные материалы и разного рода бытовые мелочи. У них не было коровы, была лишь свинья, но ее забили, чтобы отметить Новый год. Кроме кур, яиц и собаки, которых еще можно было продать, никаких других ресурсов у них не осталось. В итоге собаку им тоже пришлось продать. Из одежды они не покупали ничего нового. Дошло до того, что Ван Хуай перестал покупать болеутоляющее, отчего в плохую погоду у него нестерпимо ломило поясницу.

Ван Чанчи украдкой поинтересовался у Второго дядюшки, занимала ли их семья у кого-то деньги, но тот ответил, что нет. Ван Чанчи показалось это странным, тогда он подкараулил момент и перерыл в доме все шкафы. Однажды в наволочке Ван Хуая он нашел лист бумаги со следующими записями:

«Занял у Второго дядюшки – 300 юаней.

Занял у Чжан Сяньхуа – 200 юаней.

Занял у Ван Дуна – 150 юаней.

Занял у Чжана Пятого – 100 юаней.

Занял у Лю Байтяо – 16 юаней».

«Кошмар, они дошли до того, что залезли в долг к должнику!» Бумага в руках Ван Чанчи задрожала. Подождав какое-то время, он в несколько раз свернул листок и засунул в свой карман. Карман тотчас отяжелел, словно в него положили кусок железа, даже плечи на его рубашке съехали вниз. Отдельно прихватив с собой полоски бумаги, он отправился по кредиторам. Те рассказали Ван Чанчи, что Ван Хуай неоднократно просил их никому не распространяться о займах, чтобы это никак не сказалось на его учебе. Ван Чанчи собрал у них старые расписки и взамен выдал пять новых, на которых вместо Ван Хуая заемщиком значился Ван Чанчи. Ван Хуай, который оставался в неведении, каждый вечер продолжал уговаривать сына вернуться к учебе. Ван Чанчи думал, что тот похож на диктора новостей, который изо дня в день твердит одно и то же, но при этом совершенно не отдает себе отчета в сказанном.

Когда с уборкой риса было покончено, Ван Чанчи взял кусок мыла и хорошенько вымыл Ван Хуая ноги, а заодно подстриг его черные отросшие ногти.

– Такое ощущение, что ты собрался на курсы? – спросил Ван Хуай.

– Я собрался в город на подработку, – ответил Ван Чанчи.

– Ах ты, бесстыжий! Вместо того чтобы учиться, решил податься в чернорабочие! Ты разбиваешь все наши мечты! В таком случае лучше бы ты не стриг мне ногти и не мыл мне ноги. Я жажду, чтобы ты учился!

– Мне не дано быть книжником. Я самый обычный человек, каких большинство.

Ван Хуай замотал головой и сказал:

– Нет, ты – самородок, ты – наша спасительная звезда.

– Ты перебарщиваешь, – ответил Ван Чанчи. – На самом деле я никто, просто кучка собачьего дерьма.

12

Ван Чанчи ускользнул из дома на рассвете. Он закинул на плечо сумку, взял в руки кеды и босой пошел по пыльной дороге. Ступая по прохладной земле, он вдруг вспомнил известное выражение: «Дорожная пыль – это прах наших предков». Выпавшая роса увлажняла его ноги, из рощи то и дело доносились пронзительные крики разной живности, на темном небе беспре-

рывно мигали звезды. Подойдя к росшему в расщелине клену, Ван Чанчи обернулся назад и увидел размытые очертания деревни: дома и деревья были словно растушеваны. Его глаза, как у больного катарактой, застилал туман, казалось, что он видит все это в последний раз. Прошла целая вечность, прежде чем небо немного поменяло оттенок и беспросветная тьма сменилась мрачной синевой. У крыш появился контур, деревья обрели форму, чернота между их ветками и карнизами растворилась. Ван Чанчи промокнул глаза, развернулся и пошел дальше. Дойдя до водохранилища, он хорошенько вымыл ноги, натянул кеды и вышел к трассе ждать рейсовый автобус. Наступил рассвет. В какой-то момент, опустив голову, он про себя отметил, что его вымытые кеды выглядят такими же белыми, как, твою мать, городская стена.

Когда Ван Хуай проснулся, солнце уже пригревало его истощенный зад. Он дважды позвал Чанчи, но тот не откликался. В комнату вошла Лю Шуанцзюй и пересадил его в коляску.

– Я, оказывается, разоспался. А где Чанчи? – спросил Ван Хуай.

– Отправился в город, – ответила Лю Шуанцзюй.

Ван Хуай выкатил коляску за порог и, глядя вдаль на бушующие зеленую горы, стал ругаться:

– Ван Чанчи... Негодная ты тварь, безнадега, взять и променять учебу на работу! Быть чиновником ты, значит, не хочешь, зато чернорабочим – пожалуйста! Ты ничем не прославил наш род, только осрамил отца с матерью, зря мы тебя рожали, слишком высоко я тебя ценил...

Хотя ругался Ван Хуай негромко, энергия его голоса оказалась настолько мощной, что ругательства его, словно вихрь, долетели до крыши дома Второго дядюшки и пронеслись над остальными домами и деревьями. Ван Чанчи, который дремал у дороги в ожидании автобуса, даже очнулся, как если бы его кто-то окликнул. Очертания гор бросали тень на равнину с полями, в воздухе смешивалось журчание воды и пение цикад. На сероватой дороге показался автобус, он остановился рядом с Ван Чанчи. Открылась дверь, Ван Чанчи с сумкой протиснулся внутрь. Ван Хуай, который ругался на пороге дома, неожиданно закрыл рот, и в тот же момент автобус захлопнул свои двери.

Об отъезде Ван Чанчи знали уже все. Лю Байтяо первый не усадил на месте. Взяв с собой расписку, он направился к Ван Хуаю и заявил:

– Я-то считал его образцовым сыном, никак не думал, что он окажется обманщиком.

Ван Хуай взял из его рук расписку, посмотрел на нее и сказал:

– Раз он такое написал, значит, точно вернет.

– Так его и след простыл, – ответил Лю Байтяо. – Кто же мне теперь вернет деньги?

– Но ведь я пока что на месте, – ответил Ван Хуай.

Лю Байтяо снова оценивающе взглянул на Ван Хуая и сказал:

– Не верю, чтобы у вас дома не было хотя бы шестнадцати юаней.

– Если хочешь, можешь забрать двух несущек.

Лю Байтяо несущки были без надобности, и он зашел в дом в надежде найти деньги. Под циновкой Ван Хуая он увидел кошелек, но в нем не оказалось даже одного мао. Тогда Лю Байтяо открыл сундук, но и в нем, кроме старых лохмотьев, ничего стоящего не обнаружил. Тогда он открыл шкаф и увидел там горшок со свиным салом. Взяв этот горшок, он сказал, что забирает его взамен погашения долга.

– Вот дурачина, – стал поучать его Ван Хуай. – Жир ты съешь и все, а курицы несут яйца, из которых плодятся цыплята, и так дальше. Того и глядишь, дела пойдут в гору.

– Вот и оставляй себе своих куриц, чтобы твои дела пошли в гору, а я люблю свиное сало. Уже полгода ничего на салце не жарил, даже котел заржавел.

– Но если ты его заберешь, то и у нас котел заржавеет.

– Ничего не поделаешь, – отозвался Лю Байтяо, – уж такова участь должников, мои кредиторы обходятся со мной точно так же. Даже кровать мою на досточки разобрали, а еще яму для меня копать приготовились.

Ван Хуай стыдливо опустил голову и разорвал расписку.

Возвращаясь домой с горшком свиного сала, Лю Байтяо натолкнулся на Чжана Пятого. Чжан Пятый про себя подумал: «Пусть у меня на руках имеется расписка, но если Ван Чанчи ничего не заработает, то какой с нее прок? Кто может гарантировать, что он заработает? Да и кто знает, когда он вообще получит эти деньги?» Чем больше Чжан Пятый размышлял на эту тему, тем больше убеждался, что дело это весьма затяжное и сомнительное. Тогда он воротился домой за распиской и тоже направился к Ван Хуаю. Ван Хуай обещал, что выплатит проценты, если тот подождет несколько месяцев. Но Чжан Пятый ни в какую не собирался давать отсрочки, потому как чувствовал себя обманутым.

– Когда Ван Чанчи давал мне новую расписку, то ничего не говорил про то, что уезжает на подработку, – сказал он. – Значит, здесь что-то не так, а раз здесь что-то не так, то, очевидно, это обман.

– Чанчи не такой, – оправдывался Ван Хуай. – Он обязательно заработает деньги и вернет долги.

– Всякий раз, когда ты говоришь «обязательно», это «обязательно» не происходит. Разве ты не говорил, что он обязательно поступит в университет?

Ван Хуаю нечего было возразить. Чжан Пятый зашел в дом, осмотрел все углы и решил унести старый деревянный шкаф.

Ван Хуай сказал:

– Раз мне не веришь, так и уноси, все равно нам нечего в нем хранить.

Чжан Пятый отдал расписку, Ван Хуай стал мять ее в руке. Пока он ее мял, то чувствовал, что его ладонь словно кусают изнутри, как если бы у иероглифов на расписке выросли зубы.

В тот самый момент, когда Чжан Пятый со шкафом на спине возвращался домой, ему встретился Ван Дун. У Ван Дуна вдруг возникло дурное предчувствие, он тотчас нашел свою расписку и заявился с ней к Ван Хуаю, требуя долг. Ван Хуай ему сказал:

– Дома не осталось ничего стоящего.

– А как же гроб на чердаке?

– Так он для меня приготовлен. Ты еще молодой и вряд ли помрешь раньше меня.

– Тут вопрос не в том, кто когда помрет, а в том, возвратятся ли ко мне мои деньги.

– Клянусь честью, – заверил его Ван Хуай, – Чанчи обязательно все вернет.

– В наши дни разговоры о чести – брехня, – ответил Ван Дун.

– Тогда уноси, но когда у Чанчи появятся деньги, я этот гроб у тебя снова выкуплю, – сказал Ван Хуай.

Ван Дун позвал за подмогой Лю Байтяо. Вместе они спустили гроб с чердака и, поддерживая его с двух концов, вынесли из дома. У Ван Хуая замерло сердце, ему казалось, что он видит собственные похороны.

Чжан Сяньхуа, заметив Чжана Пятого с гробом Ван Хуая, тоже почуяла неладное и, взяв свою расписку, мигом заявила к Ван Хуаю домой.

– Эх ты, Ван Хуай! Я ведь тебе больше всех одолжила, почему же ты, прежде чем объявлять о банкротстве, не оповестил меня?

– Я не объявлял о своем банкротстве, это они не верят Ван Чанчи.

– Они, значит, не верят, а я-то почему должна верить?

– Разве ты не видишь, что Чанчи уже взрослый парень?

– Они тоже это видят.

– Он хоть раз обманул тебя, пока рос?

Чжан Сяньхуа помотала головой.

– Я хоть когда-нибудь не возвращал тебе долги? – продолжал Ван Хуай.

– Нет, – ответила Чжан Сяньхуа.

– Каково семя, таков и росток, какова лоза, таков и плод. Поверь нам хоть раз!

Чжан Сяньхуа, глядя на расписку, медленно сложила ее пополам и направила руку к карману. Ван Хуай замер, внимательно следя за ее действиями, он даже сжал кулаки. Но в тот момент, когда расписка уже должна была очутиться у Чжан Сяньхуа в кармане, ее руку словно кто-то приостановил.

– Чанчи меня не обманывал, – сказала она. – Но так он вел себя в родной деревне, а сейчас он уехал в город, там обстановка совсем другая, кто даст гарантию, что он останется прежним? В городах полно мошенников, ему достаточно познакомиться с одним из них, и его тут же испортят.

– Даже если его кинуть в красивый чан, я верю, что он все равно останется белым. Он не из тех, кто бросает слова на ветер.

– А ты говорил это Лю Байтяо с Ван Дуном? – спросила Чжан Сяньхуа.

– Нет, – ответил Ван Хуай.

– А почему же все это ты говоришь мне?

– Потому что в доме у нас не осталось ничего ценного.

Чжан Сяньхуа навернула два круга по комнате и действительно не нашла ничего ценного. Тогда она хлопнула себя по голове и сказала:

– А разве у тебя не осталось несколько кедров на заднем склоне горы?

– Я их оставил для поперечных балок, – ответил Ван Хуай. – Посмотри на наши балки – одна гниль да труха, еще несколько лет они не выдержат.

Чжан Сяньхуа задрала голову. Балки и правда с одной стороны все почернели от капавшей на них годами дождевой воды. В какой-то момент Чжан Сяньхуа уже была готова сжалиться, но, отбросив сантименты, заявила:

– Меня волнует только то, когда ты вернешь мне долг, плевать я хотела на твои балки!

– Можно прожить без сала и соли, можно обойтись и без гроба после смерти, но если обвалятся балки, то деваться мне будет просто некуда. Неужели ты такая жестокая, что даже не оставишь мне кедров?

Чжан Сяньхуа тотчас вышла из себя:

– Я давала тебе деньги для того, чтобы помочь выучить сына, а сын твой устроился в чернорабочие, где гарантия, что он вернет деньги?

– Он у меня такой послушный, почему ты ему не веришь?

– Потому что он – не мой сын, – отрезала Чжан Сяньхуа.

Ван Хуай вздохнул и предложил:

– Хочешь, я напишу тебе еще одну расписку?

– И что ты там напишешь?

– Если Ван Чанчи в течение полугода не вышлет тебе деньги, то сумма долга удвоится.

– Тебе и занятой суммы не вернуть, что говорить об удвоенной?

– Если к условленному времени он ничего не вернет, я отдам тебе этот дом и участок земли.

– И ты осмелишься такое написать? – удивилась Чжан Сяньхуа.

Ван Хуай действительно написал такую расписку, еще и скрепил ее красным отпечатком пальца. Чжан Сяньхуа, получив гарантийную бумагу, пошла домой, показывая ее по дороге всем встречным. Ван Дун, увидав у нее такую бумагу, не обрадовался:

– Ты одолжила ему всего-то на пятьдесят юаней больше, чем я, а он взял и обменял тебе свой долг на целый участок земли!

– Это называется оборот капитала, – ответила Чжан Сяньхуа.

Врученная Чжан Сяньхуа бумага стала настоящим яблоком раздора. У Лю Шуанцзюй поднялось давление, осипло горло, обострилось воспаление плечевых суставов, заболел желудок, пропал сон и аппетит, снизился общий иммунитет. А Ван Хуай ее знай успокаивал:

– Если ты не веришь в собственного сына, то в кого тогда еще можно верить?

Глава 2. Слабак

13

Ван Чанчи в это время устроился бетонщиком на стройку здания городского зала собраний, там платили триста юаней в месяц и предоставляли жилье и питание. На завтрак он ел пампушки, на обед – рис с овощами, на ужин – овощи с кусочками мяса. Когда мяса не было, рабочие ели спокойно, но едва оно появлялось, всех тут же охватывало радостное возбуждение. Ван Чанчи обычно зарывал мясо в самый низ, оставляя его под конец трапезы, и сначала съедал овощи с рисом. Это называлось «сперва испытать горечь, а потом познать сладость». Если есть таким образом, во рту надолго задерживалось послевкусие от мяса, напоминающее чудесную мелодию. Однако это требовало постоянной бдительности, иначе напарники могли подцепить мясо палочками и стащить его прямо из тарелки. Когда Ван Чанчи закапывал свое мясо, он испытывал радостное предвкушение. А когда в самом конце он наслаждался уже одним только мясом, у него было такое чувство, словно он накопил состояние и открыл крупное дело. Защиту лакомства от палочек напарников Ван Чанчи воспринимал не иначе как забаву. Если же за его тарелкой никто не следил, у него портилось настроение и пропадало желание смаковать мясо. Поэтому иной раз он даже специально стучал по тарелке и нарочито чавкал, только чтобы к нему начали приставать. Ночевал Ван Чанчи в бараке для рабочих, где из новых досок были сколочены двухъярусные кровати, распространявшие повсюду запах сосны. В каждом бараке размещалось по сорок человек. Ван Чанчи досталась семнадцатая кровать во втором бараке. Ночью, когда уже все засыпали, кто-нибудь из парней вдруг начинал ерзать на кровати и терзать свою «пушку». Начинал кто-то один, за ним заводился второй и в конце концов этим начинали заниматься чуть ли не все. Нещадный скрип кроватей сливался воедино, пробуждая у женатых воспоминания о родине, и те уже всю ночь проводили без сна. Но некоторые, включая Ван Чанчи, как бы там другие ни ерзали, наморившись за день, спали беспробудным сном.

В обязанность Ван Чанчи входило доставлять бетон, то есть возить тележку с цементным раствором от бетономешалки до грузоподъемника. Этой работой он занимался поочередно со своим напарником Лю Цзяньпином. Загрузив в подъемник четыре тележки цемента, они закрывали его железные створки и, нажав на кнопку, отправляли груз вверх. Подъемник, колыхая раствор, со скрипом поднимался на второй этаж, где резко останавливался, из-за чего часть цемента звучно шлепалась за края тележек. Всякий раз, когда начинал работать подъемник, Ван Чанчи замирал, наострив уши, в такие моменты ему вспоминался скрип деревянной коляски Ван Хуая.

Эту работу он нашел самостоятельно. Выйдя из автовокзала, он для начала осмотрелся по сторонам, нацелив свой взгляд на торчащие над городом строительные краны. Ван Чанчи обошел все места с этими кранами, но зря. Потом он нацелился просто на строительные леса. Обойдя их и так же оставшись ни с чем, он стал прислушиваться, откуда доносятся звуки забивания свай. Безрезультатно пройдясь по таким местам, он начал принохиваться, силясь учуять запах бетона. В этом небольшом уездном городке Ван Чанчи обошел все десять с лишним действующих стройплощадок, и только на одной из них подрядчик согласился взять его к себе. У этого подрядчика была фамилия Хэ, звали его Гуй. У Хэ Гуя была голова с заостренной макушкой и белоснежная рубашка, разговаривал он тихим спокойным голосом и даже угостил Ван Чанчи сигаретой. В тот же день Ван Чанчи забрал оставленные под мостом вещи и перевез их на стройплощадку. Он дал себе слово, что если только выдержит физическую нагрузку, то стиснет зубы и за три месяца выплатит все накопившиеся у семьи долги.

В конце первого месяца, когда подошло время зарплаты, никто ее не получил, поэтому все рабочие отправились выяснять отношения к подрядчику Хэ Гую. Хэ Гуй с улыбкой стал заверять собравшихся, что зарплата выплачивается один раз в три месяца, и что волноваться по этому поводу не стоит. Однако некоторые заподозрили неладное и потребовали срочно выплатить им деньги. Хэ Гуй тут же вытащил пачку денег, похлопал ею об ладонь и сказал: «Тем, кто хочет получить деньги, я их выплачу, но тогда придется немедленно покинуть стройплощадку». Несколько рабочих прямо на месте получили свои деньги, собрали вещи и без сожалений ушли. Даже не став переодеваться, они так и пошли, заляпанные грязью, отчего издаleка казалось, что на них камуфляжная форма. Большинство рабочих не шелохнулись, они не знали, что было на уме у Хэ Гуя. Между тем Хэ Гуй объяснил, что такие действия с его стороны называются управлением, другими словами, если он кого-то нанял, тот должен проработать у него по меньшей мере три месяца. В противном случае возникнет калейдоскопическая текучка кадров, а это серьезно сказывается на ходе всего рабочего процесса. Народ еще постоял какое-то время, а потом, ничего не придумав, разошелся по рабочим местам. Лю Цзяньпин, пока толкал тележку, без конца жаловался, называя подрядчика Хэ жуликом. Ван Чанчи успокаивал его, говоря, что на таком крупном объекте обман невозможен. Выплату зарплаты раз в три месяца Ван Чанчи рассматривал едва ли не как благо, поскольку это сдерживало его от лишних трат. Выходило, что его деньги словно лежат в банке, единственный минус – на них не набегали проценты.

Спустя три месяца Хэ Гуй взял и пропал. Рабочие взломали его кабинет. Кто-то забрал себе компьютер, кто-то – телевизор, кто-то – кулер для воды, кто-то – письменный стол, кто-то – пружинный матрац. Но большинство рабочих остались ни с чем. Одни столпились и матюгались на чем свет и даже громили строительную технику, срывая злость; другие играли в азартные игры, пытаясь хоть на время забыться; третьи сидели на корточках у забора и, не мигая, смотрели в сторону ворот в ожидании чуда. Ван Чанчи восполнял недосып, накопленный за девяносто с лишним дней изнурительной работы. Запах свежих сосновых досок уже улетучился, с улицы, то приближаясь, то удаляясь, доносился галдеж рабочих. В промежутках между сном в памяти Ван Чанчи невольно всплывал Хэ Гуй. Какой он прекрасный оратор, зубы белые, ровные, в кармане всегда пачка дорогих сигарет и одноразовая зажигалка. Встречая человека, он тут же протягивал ему сигарету, а когда тот зажимал ее в зубах, подносил ему огня. Все его движения были отработаны до совершенства и выдавали в нем курильщика со стажем, но между тем Ван Чанчи никогда не видел, чтобы сам Хэ Гуй курил. Как же мог такой предупредительный, вежливый подрядчик взять и исчезнуть без следа?

После таких дум, прерываемых сном, Ван Чанчи, чей живот от голода уже прилип к хребту, наконец слез со своей кровати. Он вышел из барака и тут понял, что проспал около полутора суток. По вечернему небу плыли багровые облака. На стройплощадке стало заметно тише. Некоторые рабочие ушли, некоторые остались сидеть у забора. Кто-то курил, кто-то чесал языком, а кто-то просто замер в оцепенении. Ван Чанчи попил из-под крана воды, в животе у него громко заурчало. Он подсел к Лю Цзяньпину и тихонько спросил:

– Ты ел?

– Ел, – ответил тот.

– Можешь одолжить мне денег? – спросил Ван Чанчи.

В ответ на это Лю Цзяньпин поднялся со своего места, отошел от Ван Чанчи на двадцать с лишним метров и уселся снова. Ван Чанчи посмотрел сначала налево, потом направо. Рабочие один за другим повставали со своих мест, отряхивая зады: кто-то направился в барак, кто-то просто отошел подальше от Ван Чанчи. В итоге пространство в радиусе пяти метров вокруг него освободилось, народ сторонился Ван Чанчи с таким видом, словно от него смердело. Тогда до него дошло, что с людьми можно говорить о чем угодно, но только не о займе денег. Опустив голову, он стал рассматривать выбившуюся из щелей траву и снующих туда-сюда муравьев.

Одного из них он посадил к себе на тыльную сторону ладони и стал наблюдать, как тот по ней ползает. Когда муравей добрался ему чуть ли не до плеча, Ван Чанчи снова пересадил его на тыльную сторону ладони. Муравьишка усердно карабкался вверх, силясь найти выход, ему было невдомек, что все пути для него закрыты. Забавляясь с муравьем, Ван Чанчи на какое-то время забыл о своем голоде. Постепенно стемнело, электричество на стройплощадке отключили. Ползавшего по руке муравья поглотила тьма. Теперь Ван Чанчи не мог его видеть, но чувствовал. В животе у него снова заурчало, к горлу подступила тошнота. Он наощупь прихлопнул муравья, оставив на руке мокрый след. Ван Чанчи отряхнул руки, поднялся со своего места и вышел за пределы стройки.

14

Ван Чанчи все это время думал, что Хуан Куя давно уже отправили за решетку. Тем не менее, решив, что попытка не пытка, он все-таки пришел на улицу Сяохэцзе. К его удивлению, прежняя громкая вывеска не только не исчезла, но стала еще ярче. Дверь заведения была открыта нараспашку, свет изнутри освещал улицу вплоть до самой реки. Теперь здесь уже не продавали мелкие товары – все помещение было очищено под офис. Хуан Куй вместе с двумя мужчинами пил пиво. Чайный столик перед ними был уставлен тарелками разной величины, в нос Ван Чанчи ударили ароматы соленого свиного окорока и маринованных утиных лапок. Словно увидев родственника после долгой разлуки, он импульсивно выкрикнул: «Хуан Куй!» Трое человек тут же обернулись, на их лицах застыло удивление. Больше всех был удивлен Хуан Куй, он вдруг перестал жевать и нахмурил брови. Потом его губы шевельнулись, и он заговорил:

– Ты разве не собирался поступать в университет? Ты же не хотел больше со мной путаться? Твои родители разве не считают меня негодяем? В прошлый раз ваша семейка уехала отсюда с таким видом, словно вы, чистые и не от мира сего, соприкоснулись со скверной. Вас так переполняла гордыня, что вы предпочли бы врезаться в стену, но только не смотреть в мою сторону.

– Клянусь, я несколько раз поворачивался к тебе, показывая, что виноват, – стал оправдываться Ван Чанчи.

– А я человек злопамятный, и то, с каким выражением ты осадил своего коня на краю пропасти и якобы встал на праведный путь, глубоко, ох, как глубоко отпечаталось вот здесь. – С этими словами он ткнул пальцем себе в висок.

Ван Чанчи, сглотнув, сказал:

– Я хочу помочь тебе отрубить пальцы.

– Поздно. Теперь я отрубаю их сам.

– Ну, может быть, я пригожусь чем-то еще?

– У тебя кишка тонка, чтобы мне помочь.

– Смелыми не рождаются, а становятся.

– Хорошо сказано. Раз ты такой смелый, сними штаны.

Ван Чанчи взял и действительно стянул с себя штаны. Его ягодицы и ляжки тут же обдало ветром. Взгляды Хуан Куя и сотоварищей стрельнули по нему, словно прожектора. Вся нижняя половина туловища Ван Чанчи была чернее ночи, белой оставалась только та часть, которую обычно закрывали трусы. Его «хозяйство», словно испытывая стыд, едва ли не полностью втянулось внутрь. Хуан Куя неожиданно вспомнилась школьная пора, когда они голышом вместе купались в реке. В те времена кожа у Ван Чанчи была такой же белой, как у него, и без одежды было не отличить, кто из них городской, а кто из деревни. Зато сейчас цвет их кожи контрастировал так же резко, как город с деревней, поэтому даже без одежды становилось ясно, кто из них откуда. В Хуан Куе пробудилась жалость, и он сказал: «Заходи». Ван Чанчи как был, со

снятыми штанами, проследовал внутрь. «Одевайся», – злобно приказал Хуан Куй. Наевшись досыта, Ван Чанчи забыл про свою панику. Его ноги больше не дрожали, в пот его не бросало, он весь внутренне расслабился. Тут, почувствовав на себе взгляды Хуан Куя и его сотрапезников, Ван Чанчи вытер рот и сказал:

– Я извиняюсь, очень проголодался.

– Тебе не слабо посидеть в тюрьме? – спросил Хуан Куй.

– Если это не будет связано с убийством, то над этим можно подумать.

– Вчера одного человека арестовали за избиение и посадили на пятнадцать дней за решетку. Если ты его завтра подменишь, то за каждый день будешь получать по сто юаней, всего за четырнадцать дней заработаешь тысячу четыреста юаней.

– Но раз он уже сидит, как его подменить? – спросил Ван Чанчи.

– Это не твоя забота. Главное – громко откликайся на имя Линь Цзябай и все будет окей.

– А кто такой этот Линь Цзябай? – не унимался Ван Чанчи.

– Неважно. Важно, что ты сможешь заработать.

Вернувшись в барак, Ван Чанчи лег спать пораньше. Однако, не в силах уснуть, он ворочался с боку на бок. Когда пища переварилась и чувство голода исчезло, вместе с ним исчезло и ощущение суеты. Сытого его как будто подменили. Голодный он был готов на все: потеряв всякий стыд, он, наплевав на приличия, даже прилюдно вывалил свое «хозяйство». Но едва он насытился, как сразу уподобился среднему классу. Проявляя осторожность, Ван Чанчи стал задаваться вопросами, что он из себя представляет: он просто ничтожество? Преступник? Негодяй? Ван Чанчи? Линь Цзябай? И чем больше он думал, тем сильнее раскаивался и тем большее презрение испытывал к самому себе. А когда его скорбь достигла крайней точки, он почувствовал себя тем самым муравьем, которого прибил на своей руке. Вроде бы ему и было куда податься, но все эти пути вели в никуда.

Пока он был погружен в свои мысли, начало рассветать. Взяв сумку, Ван Чанчи бросился в сторону родной деревни. Вот перед ним показались водохранилище, чайная плантация, клен, деревня и, наконец, плотно закрытые ворота дома. Он постучался. Дверь с грохотом отворилась, и он увидел стоящего на пороге заспанного Хуан Куя.

– Ты чего так рано? – спросил он. – Только шесть утра.

Ван Чанчи испуганно вздрогнул; подобно лунатику, все это время он видел свое возвращение домой, в то время как ноги сами привели его сюда.

Хуан Куй организовал утренний чай, заставив стол всевозможными угощениями.

– Чем больше ты всего предлагаешь, тем меньше мне хочется есть.

– Переживаешь из-за денег? – спросил Хуан Куй.

– Ты меня прямо как смертника на убой кормишь.

– Ты слишком мнительный, там вполне нормальные условия, к тому же безопасно, считай, что отправился в отпуск.

– У меня со вчерашнего вечера голова деревянная, если бы я не дал честное слово, то уже давно бы улизнул.

– Не волнуйся, там тебя и воспитают, и закалят, и испытают. Тюрьма будет лучше плавильной печи, это своего рода школа.

«Школа для нищих», – подумал про себя Ван Чанчи, но вслух ничего не сказал. Он попробовал взять что-нибудь в рот, но так и не смог ничего проглотить. Он вытащил бумажку, на которой был записан его домашний адрес.

– Пошли тысячу юаней моему отцу, – сказал он. – А остальные четыреста пока храни у себя. Только не пиши на бланке перевода свой адрес, чтобы мой отец к тебе снова не появился. Если вдруг со мной что-нибудь случится... Пожалуйста, позаботься о моих родителях... чтобы у них было что поесть, что надеть, и чтобы похоронили их в гробах.

– Какие важные поручения, такое ощущение, словно мы расстаемся навсегда. Если с тобой и правда что-нибудь случится, я заберу твоих родителей в город и буду заботиться, как о родных. У них будет и дом, и машина, и медицинское обслуживание, и страховка, они будут ходить по спа-салонам, ресторанам и на танцы. Я позабочусь, чтобы они сполна вкусили радости настоящей жизни.

Ван Чанчи понимал, что Хуан Куй так говорит потому, что не верит ни в какой плохой исход, но все-таки он переспросил:

– Ты и правда сделаешь это?

– Я крайне редко бросаю слова на ветер, – ответил Хуан Куй.

– Если бы у них был такой замечательный сын, как ты, я бы умер с легкой душой.

Прежде чем отправиться за решетку, Ван Чанчи потратил минут десять на то, чтобы, словно какой-нибудь шпион, запомнить некоторую информацию: Линь Цзябай, мужчина, тридцать три года, не женат, сын некоего чиновника, председатель правления компании по операциям с недвижимостью «Великолепие», проживает в жилом комплексе «Парящий дракон» в доме № 1, подъезде № 2, квартире № 508. Первого числа в десять часов вечера, будучи за рулем «мерседеса» с номерным знаком 8888 и проезжая улицу Миншэнлу, снес фруктовый лоток Сунь Ипина. Вместе с Линь Цзябаем в машине находилась его подруга по имени Ван Яньпин, с которой они направлялись в бар. Линь Цзябай не только не возместил ущерб Сунь Инпину, но еще и избил его, сломав ему два ребра. Поскольку вокруг оказалось много возмущенных свидетелей, избежать ареста Линь Цзябаю не удалось. Девушка Ван Яньпин: двадцать три года, актриса уездного театра, дочь начальника Вана.

Хуан Куй на джипе подвез Ван Чанчи к воротам следственного изолятора. Всю дорогу Ван Чанчи настраивал свою психику на нужный лад. Поэтому, увидев медленно раскрывающиеся ворота изолятора, он уже мысленно перевоплотился в Линь Цзябая. Всего за каких-то полчаса он превратился из нищего в богача с полагающимися тому папашей-чиновником, крутой тачкой, роскошной квартирой и девушкой-красоткой.

15

Ван Хуай получил денежный перевод на тысячу юаней из административного центра провинции от лица компании «ПиЭй». Он громко позвал жену.

– Что случилось? – откликнулась та.

– У тебя сейчас давление в норме?

Подозрительно посмотрев на Ван Хуая, Лю Шуанцзюй ответила вопросом на вопрос:

– У тебя, что ли, не в норме?

– Ты себя как сейчас чувствуешь? – не унимался Ван Хуай.

Лю Шуанцзюй изменилась в лице и спросила:

– Что-то случилось с Чанчи?

Ван Хуай передал ей перевод на тысячу юаней. Лю Шуанцзюй приняла бланк и долго изучала его, пока у нее не поплыло перед глазами. Она смахнула слезы и сказала:

– Вот уж не ожидала, что Чанчи так быстро оправдывает наши надежды.

– Я тут подсчитал, – подхватил Ван Хуай, – Чанчи нужно было получать хотя бы пятьсот юаней в месяц на еду, жилье и мелкие расходы, а у него получилось еще и нам отослать такие деньги.

– Но он же не директор какой-то, чтобы получать так много? – засомневалась Лю Шуанцзюй.

Тогда Ван Хуай ткнул пальцем в бланк, где было написано «ПиЭй».

– Видишь? Это иностранные буквы. Если в этой иностранной компании сидят какие-нибудь идиоты, то очень возможно, что они свои доллары перепутали с нашей валютой.

Лю Шуанцзюй растянула рот в усмешке:

– Ну, раз они там законченные идиоты, то нашему Чанчи привалила большая удача.

Едва по деревне разнеслась новость о том, что Ван Чанчи прислал деньги, народ один за другим повалил в дом к Ван Хуаю со своими поздравлениями. Сначала Ван Хуай предлагал гостям чаю, но потом понял, что одним чаем и сигаретами их не выпроводишь. Так что Лю Шуанцзюй пришлось задуматься над угощением. Она пошла к Чжану Пятому, чтобы купить у него в кредит солонину. Чжан Пятый испугался, что не сможет получить от нее деньги, но Лю Шуанцзюй вытащила бланк перевода и показала ему. Этот бланк уже кто только не трогал, он весь пропитался слезами, грязью, отпечатками пальцев и копотью. После того, как она побывала в руках Чжана Пятого, проверившего бумагу на подлинность, на ней прибавилось еще одно жирное пятно. Когда Лю Шуанцзюй поджарила для гостей мясо, Ван Хуай рассудил, что под него хорошо бы угостить людей водочкой. Тогда Лю Шуанцзюй вместе с бланком перевода пошла ко Второму дядюшке и пообещала ему вернуть долг, как только получит деньги, заодно прибавив к этой сумме счет за рисовую водку. Второй дядюшка тоже рассмотрел бумажку, оставив на ней очередные следы, теперь уже от винной барды. Бланк перевода уподобился кредитной карточке, которую Лю Шуанцзюй предъявляла всем, кому ни попадя, наморившись до сердечной боли. Гости, что приходили поздравить Ван Хуая и Лю Шуанцзюй, уплетая мясо, хвалили Ван Чанчи и за водочкой строили предположения, куда же все-таки тот устроился работать. Одни говорили, что компания «ПиЭй» занимается сотовыми телефонами, другие – что она делает телевизоры, третьи – что она производит компьютеры. «Кто знает, – отвечал Ван Хуай, – может, она даже выпускает автомобили».

Но какие бы догадки они ни строили, никому из них и в голову не пришло, что Ван Чанчи в данный момент сидит в тюрьме. Каждый день он сидел, съезжившись в углу, и вживался в образ Линь Цзябая. В тот день, когда Хуан Куй подвез его к изолятору, он думал, что обмен будет похож на обмен военнопленными, однако он и подумать не мог, что его запустят через одни ворота, а Линь Цзябая выпустят через другие, так что Ван Чанчи не увидел его даже мельком. Как-то раз Ван Чанчи вдруг вспомнил, что подрядчиком той стройки, на которой он работал, значилась как раз компания «Великолепие». Оказывается, именно Линь Цзябай задолжал ему зарплату. И хотя в этот раз он получил от Линь Цзябая тысячу четыреста юаней, если из этой суммы вычесть девятьсот юаней причитавшейся ему на стройке зарплаты, выходило, что сейчас Ван Чанчи получил от него лишь пятьсот юаней. Так что на самом деле он оказался внакладе. Он считал, что таких, как Линь Цзябай, которые не отдают денег, заработанных потом и кровью, нужно отправлять на пожизненное заключение или на расстрел, но сейчас в тюрьме вместо него сидел он, Ван Чанчи. И если Линь Цзябай и правда отправят на расстрел, то расстреляют лишь его имя. Как оказалось, вместо себя можно даже отправить на смерть другого, надо лишь согласовать цену вопроса. И только представляя себе подружку Линь Цзябая, Ван Яньпин, Ван Чанчи получал хоть какое-то удовлетворение. Он представлял себе, как она поет, какие у нее пышные формы и белоснежные ноги; представлял, как занимается с ней любовью...

Пока Ван Чанчи предавался пустым мечтаниям, в дом к его родителям приехала младшая сестра Лю Шуанцзюй вместе с одной девушкой. Эту девушку звали Хэ Сяовэнь, выглядела она настоящей красавицей. Едва она переступила порог, как взяла у Лю Шуанцзюй коромысло и отправилась за водой к колодцу, который находился в пятистах с лишним метрах от их дома. Возвращаясь обратно с полными ведрами, она одной рукой поддерживала коромысло, а другую отвела в сторону. Хэ Сяовэнь шла скользящей походкой, коромысло колыхалось вверх-вниз; ее косы раскачивались в такт, создавая впечатление, будто она танцует. Дорожка длиной в пятьсот с лишним метров напоминала подиум. Все деревенские смотрели на нее, и Ван Хуай тоже. Сестра Лю Шуанцзюй спросила Ван Хуая, пришла ли девушка ему по вкусу. Ван Хуай на это ответил:

– Девушка-то хорошая, но необразованная, а без образования в городе не удержишься. А раз так, то у нее нет шансов жить с Ван Чанчи в административном центре. Чанчи устроился в иностранное предприятие, зарплата у него высокая, так что возвращаться в деревню, чтобы жениться, у него нет необходимости.

– Но таких красавиц, как Сяовэнь, нынче в деревнях днем с огнем не сыщешь. Если бы она была еще и образованной, так уже давно бы вышла замуж за кадровика.

– Деревенский кадровик вряд ли может тягаться с рабочим из административного центра, – упорствовал Ван Хуай. – Так что забирай ее, откуда привезла.

– Ты с головой ушел в свои мечты, а реальных трудностей, с которыми столкнулась ваша семья, не замечаешь. Моя сестра столько вкалывает, что ее того и гляди паралич хватит. Если у нее в помощниках появится Сяовэнь, она хоть дух переведет, да и тебе полегче станет.

– Не нужно эксплуатировать человека и создавать ему трудности. Мы со своей стороны не можем такое дело решать без Чанчи.

Пообщавшись с Ван Хуаем и получив от ворот поворот, она пошла обрабатывать свою сестру. Посовещавшись, женщины решили, что Сяовэнь на какое-то время задержится, чтобы пройти испытательный срок, по истечении которого Ван Хуай убедится, насколько она хороша.

В ярмарочный день Лю Шуанцзюй с личной печатью и удостоверением личности сходила на почту и получила перевод от Ван Чанчи. На ярмарке она накупила всего, чего хотела, в том числе легкое платьице для Хэ Сяовэнь. Хотя девушка еще не вошла в их семью, Лю Шуанцзюй уже воспринимала ее как невестку. Оставшиеся деньги были пущены на уплату долгов. Ван Дун, получив свои деньги, вернул Ван Хуаю его гроб, Чжан Сяньхуа разорвала расписку с гарантийным письмом. Второй дядюшка получил все свои деньги, включая последний долг за водку. Чжану Пятому вернулись его деньги за мясо. На оставшиеся деньги Лю Шуанцзюй и Ван Хуай, посовещавшись, купили двух поросят.

Хэ Сяовэнь готовила, носила воду, кормила поросят, во всех делах проявляла образцовую расторопность. Ван Хуай заметил, что всякий раз, когда поросят кормила Сяовэнь, те принимались за еду с двойным рвением, их аппетитное чавканье было для Ван Хуая как бальзам на душу. Вечером, покончив с делами по хозяйству, Сяовэнь мылась, надевала купленное Лю Шуанцзюй платье и усаживалась у порога за шитье. Она залатала все дыры на одежде Ван Хуая, пришила все оторванные пуговицы. Женщины непрерывной чередой навещали к ним в гости, а за ними потянулись и мужчины. Ван Хуай и Лю Шуанцзюй прекрасно понимали, что навещали они исключительно, чтобы поглазеть на Хэ Сяовэнь и поговорить с ней.

Как-то раз Сяовэнь налила тазик горячей воды, чтобы помыть Ван Хуаю ноги и подстричь ногти.

– Почему ты не училась? – спросил Ван Хуай.

– В нашей семье в школу ходил только старший брат, а меня родили, нарушив закон о планировании рождаемости. На нашу семью наложили большой штраф, поэтому учиться я не могла. Потом в нарушение того же закона родилась моя младшая сестра, жить стало еще тяжелее, и я стала помогать родителям в поле.

– А ты видела Чанчи? – спросил Ван Хуай.

Сяовэнь помотала головой и сказала:

– Только на фотографии.

– Я сполна ощутил, какая ты хорошая, но тебе лучше вернуться домой. Чем дольше ты у нас остаешься, тем больше меня мучает совесть.

– Мой старший брат и его жена сильнее всего переживают, что я не смогу выйти замуж.

– Они тебя недооценивают.

– Ко мне уже несколько раз сватались. Но меня никто не устроил, то на лицо гадкие, то безработные, а мне хотелось бы выйти замуж за такого, как братец Чанчи, и уехать из деревни в город.

- Ты ведь безграмотная, как же ты поедешь?
- Я тайком ото всех выучила больше сотни иероглифов, имя свое я писать умею, указатели на улицах тоже читаю, я и телефоном умею пользоваться, и считать.
- А что если Чанчи не согласится?
- Я смирюсь.
- Тогда ты нас возненавидишь.
- Пока я помогаю вам по хозяйству, вы меня и кормите, и одеваете, так что я все равно что уехала на заработки.

Вечером, когда зарево на горизонте подрумянило склон горы и над каждой из крыш вился белый дымок, Чжан Пятый в новой рубашке, насвистывая мелодию, возвращался в деревню. Вдруг у самой околицы он заметил Хэ Сяовэнь, которая на участке Ван Хуая заготавливала кормежку для поросят. Чжан Пятый в нерешительности остановился, а потом направился к ней, ступая меж грядок с картофельной ботвой. Хэ Сяовэнь поздоровалась с ним.

- Сможешь сохранить тайну? – спросил ее Чжан Пятый.
  - Какую тайну?
  - Которую я тебе расскажу.
  - Если это никому не навредит, то сохраню, – ответила Сяовэнь.
- Тогда Чжан Пятый вынул какой-то бланк и показал ей.
- Видала?
  - Денежный перевод, это от Чанчи?
  - А ты посмотри, чье здесь имя указано.
- Хэ Сяовэнь, догадавшись, что к чему, спросила:
- Это вам?
  - А теперь посмотри на сумму, – не унимался Чжан Пятый.
  - Три тысячи, – озвучила Сяовэнь.
  - Это от моей младшенькой дочки Чжан Хуэй из административного центра, только никому не говори.
  - Зачем вы сказали про это мне?
  - Я сегодня в поселке разговаривал с Чжан Хуэй по телефону, заодно рассказал ей про тебя. Если захочешь работать вместе с ней, то в месяц будешь зарабатывать не меньше трех, а то и пяти тысяч юаней.
  - А чем она занимается? – спросила Сяовэнь.
- Чжан Пятый закурил и снова спросил:
- Сохранишь тайну?
- Сяовэнь кивнула.
- Она работает в одном отеле, моет клиентам ноги, делает массаж, ну и всякое такое.
  - Меня как-то уже зазывали в город делать массаж, я наотрез отказалась.
- Чжан Пятый вздохнул и, указывая на склон горы, сказал:
- Как правило, все красивые девушки из деревни, подобно вон тем деревьям, рано или поздно продаются в город. Увидав, какая ты красавица, и зная, какое положение у вас дома, я просто хотел тебе помочь.
  - Спасибо, дядюшка Чжан, – сказала Сяовэнь.
  - Зарплата Чанчи не идет ни в какое сравнение с деньгами, которые получает Чжан Хуэй. Чем выходить замуж за него, ты бы больше заработала сама.
  - Пусть бы сестрица Чжан зарабатывала еще больше, но вам лучше не рассказывать об этом другим.
  - Да, но, между прочим, я в долине самый богатый человек. Так что если все-таки захочешь заработать, обращайся.
  - Разве что если Чанчи не захочет на мне жениться.

- Дуреха, неужто ты боишься, что если у тебя будут деньги, на тебе никто не женится?
- Подождем возвращения Чанчи, посмотрим, что он скажет, тогда и решим.

16

Выйдя из следственного изолятора, Ван Чанчи пошел на речку и уселся на камень. Солнце нещадно палило, готовое вот-вот испепелить его коленки. Размяв руки и ноги, Ван Чанчи плюхнулся в речку. Купаясь, он стянул с себя одежду и стал стирать. Постирав одежду, он положил ее сушиться на камень, а сам снова голышом запрыгнул в воду. Он помыл голову, отскреб грязь с пальцев ног. Поскольку все было залито солнцем, он видел, как на поверхности воды плавают отставшие от него хлопья грязи, похожие на пыль. Почувствовав, что отмылся дочи́ста, он лег отдохнуть на выступавший из-под воды булыжник. Как только ему становилось жарко, он тут же окунался. Так он и развлекался: то окунаясь, то обсыхая. Когда лежавшая на камне одежда наполовину высохла, он выбрался на берег и вывернул ее наизнанку. От одежды волнами исходил пар. Еще какое-то время Ван Чанчи окунался в воду и обсыхал, пока наконец его одежда не высохла окончательно. Тогда он уселся на берегу, подождал, когда и на нем высохнут все капли, и только тогда оделся в чистое. Понюхав рукава, он почувствовал запах нагретого солнцем белья.

Когда он пришел на улицу Сяохэцзе, Хуан Куя на месте не оказалось, в офисе дежурил его подчиненный. Ван Чанчи прождал до самого вечера, пока наконец не увидел Хуан Куя. Будучи навеселе и держа в руках большой, словно кирпич, мобильник, тот шаткой походкой зашел внутрь. Похлопав Ван Чанчи по плечу, он спросил:

- Ну что, никто тебя не обидел?
- В любом случае я теперь отсидевший и на мне стоит клеймо. Считай, это как лишенная невинности девушка, которой трудно выйти замуж.
- Ты еще думаешь о репутации? – спросил Хуан Куй, выдвигая ящик стола.
- Неужели, если я бедняк, всем наплевать на мою репутацию?
- Мне не наплевать, – с этими словами Хуан Куй достал из ящичка конверт и швырнул его Ван Чанчи.

Тот взял его, раскрыл и, убедился, что внутри лежат четыреста юаней и корешок от квитанции за денежный перевод. Бросив взгляд на адрес отправителя, Ван Чанчи спросил:

- А что это за компания «ПиЭй»?
- А я откуда знаю? Это придумал мой подчиненный, который отправлял деньги. Теребя в руках корешок от квитанции, Ван Чанчи сказал:
- Спасибо.
- Что собираешься делать дальше? – спросил Хуан Куй.
- Для начала вернусь на стройку.
- У меня нет подходящей для тебя работы. Предложения отсидеть за кого-то в тюрьме появляются не каждый день. Но если такой вариант подвернется, я тебе сообщу.

Ван Чанчи еще раз поблагодарил Хуан Куя и, забросив на плечо сумку, вышел вон. Придя на стройплощадку, он почуял ужасную вонь. Дурной запах появился здесь из-за длительного отключения воды и электричества. Грязь на подъездной дороге уже затвердела, рытвины от строительной техники покрылись коркой. На пустующем пространстве все поросло бурьяном, комаров тоже прибавилось. Когда Ван Чанчи вошел на территорию стройки, у забора еще продолжали сидеть десять с лишним рабочих. То ли оттого, что Ван Чанчи находился против света, то ли просто у рабочих была замедленная реакция, но они признали его далеко не сразу. Они спросили, где он пропадал десять с лишним дней. Ван Чанчи не ответил. Тогда они стали шарить в его сумке, надеясь найти что-нибудь съедобное, но там, кроме одежды, ничего не было. Затем они стали шарить у него по карманам, рассчитывая найти какие-нибудь деньги.

Предугадав это, Ван Чанчи, прежде чем заявиться на стройку, запрятал деньги в маленький кармашек, зашитый в трусах. Не найдя ничего в его карманах, рабочие разочарованно уселись на прежние места. Лю Цзяньпин стал его корить:

– Когда люди возвращаются, они приносят с собой хотя бы несколько клубней батата или, совсем уж на крайний случай, – горсточку арахиса. А ты пришел с пустыми руками, зачем ты вообще вернулся?

– Чтобы одолжить денег, – ответил Ван Чанчи.

Едва он произнес эти слова, все тотчас отодвинулись от него подальше. На самом деле он пришел сюда в поиске места для ночлега. Хорошенько отоспавшись, на следующее утро Ван Чанчи пошел в придорожную забегаловку, где съел шесть больших пампушек с тарелкой яичного супа. Насытившись, он снова вернулся в барак спать дальше. Он сделал одно открытие: примерно за полчаса до еды только что болтавшие друг с другом рабочие вдруг заканчивали говорить – именно столько требовалось для того, чтобы свои в доску люди превратились в чужаков. Они незаметно отстранялись друг от друга и по одному исчезали в ближайших харчевнях, закусочных и ресторанчиках. Прежде чем зайти туда, каждый из них оборачивался и глядел по сторонам, больше всего опасаясь того, чтобы за ним никто не увязался. Набив животы, они так же по одиночке возвращались обратно, а потом, как ни в чем не бывало, снова кучковались у забора, чтобы поболтать. Ван Чанчи тоже старался всячески избегать кого бы то ни было, однако на третий день вечером, когда он втихаря уединился в закусочной, перед ним вдруг нарисовался Лю Цзяньпин.

– Какой же ты бесстыжий, – сказал он. – Оказывается, ты прячешь деньги в трусах.

Ван Чанчи выглянул на улицу, убедился, что там больше никого нет, и заказал для Лю Цзяньпина тарелку рисовой лапши с мясом. Они уселись на улице и стали есть.

– Где ты взял деньги? – спросил Лю Цзяньпин.

Ван Чанчи ничего не ответил. Склонившись над тарелкой, он в несколько глотков прикончил свою порцию рисовой лапши. Сначала он думал, что закажет добавку, но поскольку теперь вместе с ним был Лю Цзяньпин, он оставил эту идею.

– А почему ты никуда не идешь зарабатывать деньги? – спросил Ван Чанчи.

– Я отработал тут больше ста пятидесяти дней. За это время я износил три комплекта одежды, истоптал две пары башмаков, сменил четыре слоя кожи. Как же я могу теперь взять и молчком уйти?

– То есть ты ждешь, что у Хэ Гуя проснется совесть? А я вот не верю, что он вернется и выплатит нам деньги.

– Тут столько рабочих протестует, значит, в соответствующих структурах это дело так не оставят.

– Я уже ходил в соответствующую структуру, – подхватил Ван Чанчи. – Сначала у них на входе было не протолкнуться, а сейчас – практически никого и нет. После того как схватили нескольких погромщиков, все перепугались, стали умнее и успокоились. Теперь сидят себе тихонечко под деревьями у дороги и осторожно напоминают шныряющим туда-сюда служащим, что, мол, кое-кто задерживает зарплату рабочим-мигрантам. Но служащих это не волнует. На входе или выходе из учреждения большинство из них просто ускоряют шаг. Те, кто ездит на машинах, поднимают стекла, а те, кто на велосипедах, – изо всех сил крутят педали. Если не будет проверки сверху, этим вопросом никто серьезно не займется. Их вполне устраивает, что рабочие сидят под деревьями, они там никому не мешают. Говорят, что кто-то там из руководства показывался, пытался все разъяснить, даже сказал, что они как раз занимаются этим делом и вот-вот примут какое-то решение. Однако прошло уже двадцать с лишним дней, а решение почему-то так и не принято. Либо проблема сложная, либо возникли какие-то препоны. Чем больше они тянут время, тем меньше к ним приходит рабочих, ведь среди них нет

людей зажиточных. Кому не на что жить, тот вынужден отступить. Если же к концу останется три-четыре человека, то проблема разрешится сама собой.

– А зачем ты тогда вернулся на стройку, раз так настроен? – спросил Лю Цзяньпин.

– Чтобы накопить сил, – ответил Ван Чанчи.

Спустя неделю, когда Ван Чанчи смог поднять кирпич одной рукой, он почувствовал, что его силы восстановлены. В тот вечер он направился в жилой комплекс «Парящий дракон». Заметив, что у подъезда номер два на пятом этаже с двух сторон горит свет, он осторожно поднялся наверх. Подойдя к квартире номер пятьсот восемь, он остановился, набрал полную грудь воздуха и нажал на звонок. Через минуту дверной глазок на железной двери сверкнул и снова померк. Не дождавшись последующей реакции, Ван Чанчи еще несколько раз нажал на звонок. Дверь чуть приоткрылась, за ней показался молодой парень в пижаме и спросил:

– Тебе кого?

– Линь Цзябая, – ответил Ван Чанчи.

– А ты кто?

– Я вместо него сидел в тюрьме.

Парень нахмурился и, сказав, что Линь Цзябая нет дома, закрыл дверь. В тот момент, когда закрывалась дверь, Ван Чанчи хотел было толкнуть ее и войти внутрь, но ему помешала висевшая на двери цепочка. Ван Чанчи снова несколько раз нажал на звонок, но никто ему больше не открыл. Усевшись на пол, он уставился на железную дверь, словно переживал, что она от него сбежит.

Не прошло и получаса, как сюда подоспел Хуан Куй. Он отдал приказ двум своим подручным, те взяли Ван Чанчи, спустили вниз, запихали его в джип и привезли к офису на улице Сяохэцзе. Дверь машины открылась, Ван Чанчи втолкнули в помещение.

– Тебе жить надоело? – напустился на него Хуан Куй.

– Та стройка, на которой я работал, принадлежит Линь Цзябаю? – спросил в свою очередь Ван Чанчи.

– И что с того?

– Он оставил сотню с лишним рабочих без денег, которые те заработали своими потом и кровью. Он не собирается их возвращать?

– Не забывай, что мы подписывали соглашение о конфиденциальности.

Тут Ван Чанчи вытащил свой договор и сказал:

– Я тоже подписывал бумагу, когда устраивался на работу.

Хуан Куй взял у него документ, посмотрел на него и одним резким движением разорвал. Ван Чанчи потянулся было за договором, но успел схватить лишь одну половину, он ринулся за оставшейся половиной, но Хуан Куй его оттолкнул.

– Речь идет о девятистах юанях, так? – спросил Хуан Куй. – Босс тебе их выплатит, но ты должен гарантировать, что убереешься с его глаз.

– Я отстаиваю свои интересы, тебе-то до этого какое дело?

– А какое у тебя вообще есть основание утверждать, что кто-то должен тебе денег?

Ван Чанчи поднял свой договор.

– Тогда присмотрись хорошенько, стоит ли там какая-нибудь печать или подпись?

Ван Чанчи взглянул на договор и обнаружил, что печать и подпись остались на оторванной половине документа. Тыча в Хуан Куя, он сказал:

– Ты... ты возместишь мне эти деньги.

Хуан Куй вытащил девятьсот юаней, положил их на стол и сказал:

– Если ты кое-что напишешь, то заберешь эти деньги.

– Что писать?

– «Обязуюсь убраться из этого города».

– Тут что, его личные владения?

- Побеждает сильнейший, разве не так?
- Тогда мне не нужны эти деньги.
- Чего же ты хочешь?
- Я позову рабочих и вместе с ними пойду к нему домой за нашими деньгами.

С этими словами Ван Чанчи развернулся и пошел прочь. Хуан Куй приказал двум своим подручным задержать его и привести обратно. Ван Чанчи вырвался, те схватили его снова и ослабили хватку лишь тогда, когда Ван Чанчи перестал сопротивляться.

– Отсидев в тюрьме, ты получил то, что тебе причиталось, – сказал Хуан Куй. – Тем не менее ты пошел и побеспокоил человека. Как можно тебе доверять?

- Раз уж речь зашла о доверии, тогда надо спрашивать со всех, а не только с меня.
- Можешь забирать свою зарплату.
- Без всякого гарантийного письма?

– Линь Цзябай тебе ничего не должен, будем считать, что он сдержал свое слово. А раз свое слово сдержал он, сдержи и ты.

- А как быть с возвратом долгов остальным?
- А не много ли ты на себя берешь?

Ван Чанчи тотчас закрыл рот, в его памяти возникли Ван Хуай и Лю Шуанцзюй – его одетая в лохмотья, измученная трудностями семья. По правде говоря, ему хотелось тут же схватить эти девятьсот юаней, но он все-таки не мог смириться.

- На каком основании он смеет забывать про свои долги? – спросил Ван Чанчи.
- На том, что его отца зовут Линь Ган⁶.

Ван Чанчи заколебался. Было ясно, что Линь Цзябаю он не соперник, защитить интересы других он не мог, для этого у него было слишком мало денег. Его рука потянулась к деньгам.

– Если возьмешь деньги, тебе придется отсюда убраться, – напомнил Хуан Куй. – В противном случае никто не сможет гарантировать твою безопасность.

Ван Чанчи вздрогнул, словно от ожога, и тотчас отдернул руку.

17

Когда Ван Чанчи подошел к стройплощадке, уже наступила глубокая ночь. Света там не было, вокруг стояла непроглядная тьма. Едва он миновал ворота, как на него набросились двое молодчиков и начали избивать. Пытаясь дать отпор, Ван Чанчи стал звать на помощь. Кому-то из нападавших он раз пять зарядил по переносице и даже услышал треск сломавшегося хряща, но в тот же момент его самого пару раз ударили палкой по голове и столько же пырнули ножом в живот. Его силы мгновенно иссякли. Пока Лю Цзяньпин вместе с другими рабочими выбежали с фонариками из барака, Ван Чанчи уже валялся в луже собственной крови.

Лю Цзяньпин вызвал полицию. Полицейские доставили Ван Чанчи в больницу, где ему оказали срочную медицинскую помощь. Тогда же сельскому участковому Вану позвонил дежурный из городского полицейского участка. Той же ночью полицейский Ван поспешил в деревню, что располагалась в горной долине, и ворвался в дом Ван Хуая. А на следующее утро Ван Хуай попросил Второго дядюшку и Лю Байтяо донести его до автотрассы, где все семейство, включая Хэ Сяовэнь, погрузилось в автобус, который шел в город.

Ван Чанчи проснулся от того, что слышал чей-то плач. Вот уже целую неделю до его ушей то и дело доносились прерывистые рыдания. Их звук походил на завывание ветра, журчание воды или пение цикад; он то появлялся, то исчезал, то усиливался, то ослабевал. На

---

⁶ Имя Линь Ган созвучно имени Ли Гана – заместителя начальника полиции г. Баодина, чей сын, в 2010 году, сбив на машине прохожих, пытался уйти от ответственности, прикрываясь именем отца. Благодаря Интернету это дело стало известно на весь Китай, а фраза «Мой отец Ли Ган» стала символом наглости детей китайской элиты.

седьмой день Ван Чанчи наконец явно различил, что это плакала Лю Шуанцзюй. Он окликнул мать. Глаза его покраснели, из них полились слезы и покатались по лицу до самой шеи. Хэ Сяовэнь, отвернувшись, украдкой смахнула слезу. Ван Хуай, который крепился изо всех сил, тоже не сдержался. Палату поглотил единый плач. Устав, они сделали передышку, а потом стали плакать по новой. Кроме рыданий у них не нашлось лучшей формы выражения своих чувств. Они могли лишь утирать друг другу слезы. Лю Шуанцзюй вытирала слезы Ван Чанчи, Ван Хуай вытирал слезы Лю Шуанцзюй; Ван Чанчи вытирал слезы Ван Хуаю, Хэ Сяовэнь вытирала слезы Лю Шуанцзюй, а Лю Шуанцзюй – Хэ Сяовэнь, так что все их пальцы пропитались солью от слез.

Толкая перед собой коляску с Ван Хуаем, Лю Шуанцзюй направилась в полицейский участок на улице Сяохэцзе. Там они спросили полицейского, удалось ли схватить злодеев. Им ответили, что так быстро это не делается. Тогда Ван Хуай и Лю Шуанцзюй сели в дежурной комнате и просидели там вплоть до конца рабочего дня. Когда началась вечерняя смена, они тоже остались сидеть там. За целый день они съели лишь по чашке рисовой лапши. В конце концов полицейский их спросил:

– Неужели вы решили устроить здесь гостиницу?

– У нас нет денег, чтобы оплатить лечение Чанчи, поэтому мы просим, чтобы вы поскорее поймали преступников.

– Если мы до сих пор не выяснили, что это за преступники, как их поймать?

– Чанчи их знает.

– Он пришел в сознание? – спросил полицейский.

– Уже несколько дней как пришел, – ответил Ван Хуай.

На улице стемнело, зажглись фонари, а они так и продолжали сидеть в дежурке.

– Вы все-таки возвращайтесь к себе, – сказал полицейский. – Как только появятся какие-то новости, мы сразу вам сообщим.

– Нам некуда идти, мы подождем здесь, – ответил Ван Хуай.

– Ну, тогда ждите за дверью, поскольку моя смена окончена, – отрезал полицейский.

Лю Шуанцзюй выкатила коляску за порог, и полицейский с грохотом захлопнул дверь.

На следующий день в палату к Ван Чанчи пришли два полицейских, у одного фамилия была Лу, у другого – Вэй. Полицейский Лу задавал вопросы, а полицейский Вэй составлял протокол. Ван Чанчи описал, при каких обстоятельствах его избили, а кроме того, основываясь на личных ощущениях, определил, что это сделали двое подручных Хуан Куя. За два часа до нападения он уже имел с ними дело в офисе Хуан Куя, поэтому его голова, плечи, ноги и нос сохранили о них весьма живые воспоминания. Полицейские попросили его не делать преждевременных выводов, тогда Ван Чанчи признался, что одному из них сломал нос.

– Вам достаточно просто проверить подручных Хуан Куя, – сказал Ван Чанчи. – Если вы увидите, что у кого-то из них сломан нос, все сразу станет ясно.

Полицейский на это никак не отреагировал, а стал допытываться, имелись ли у Ван Чанчи враги среди рабочих, занимал ли он у кого-то деньги, уводил ли у кого-нибудь подружку? Задавая эти вопросы, полицейские стали коситься на Хэ Сяовэнь. Они поинтересовались у нее, откуда она взялась, был ли у нее до этого парень. Их допрос оказался настолько обстоятельным, что коснулся даже Лю Байтяо, Ван Дуна, Чжан Сяньхуа, Второго дядюшки и даже старшего брата Хэ Сяовэнь, а заодно и его жены. Ван Чанчи показалось, что полицейские намеренно покрывают Хуан Куя, а потому отказался продолжать разговор.

– Если ты откажешься давать показания, дело будет сложно раскрыть, – сказал полицейский.

– Все, что нужно, я уже рассказал, – ответил Ван Чанчи. – Единственное, что осталось, – это только назвать имена преступников.

Тогда полицейский Лу поднялся со своего места, а полицейский Вэй закрыл свой блокнот.

Ван Хуай и Лю Шуанцзюй день-деньской обивали порог полицейского участка, и всякий раз спрашивали, поймали ли преступников. Но их голоса были для полицейских не более, чем привычный уличный шум, а потому не вызывали никакой ответной реакции, хотя бы просто поднятия век, изменения выражения лица или кивка. Подобные вопросы они слышали постоянно, а потому, привыкнув к ним, автоматически их игнорировали. Между тем Ван Хуай и Лю Шуанцзюй не переставали надеяться на решение их дела. Когда полицейские начинали что-то обсуждать за закрытыми дверями, Ван Хуай и Лю Шуанцзюй тотчас задерживали дыхание, обращаясь в слух. Но долетавшие до них из окна обрывки фраз не имели никакого отношения к делу Ван Чанчи. Они так ни разу и не услышали, чтобы полицейские обсуждали их проблему. Как-то посреди рабочего дня Ван Хуай ухватился за штанину полицейского Лу и спросил у того, когда наконец раскроют их дело? Полицейский Лу ответил, что у них пока нет никаких зацепок. Тогда Ван Хуай выбросился из своей коляски на землю и принялся отбивать поклоны. Полицейский Лу спросил: «Неужели это поможет найти преступников?» Но Ван Хуай, не обращая на его слова никакого внимания, продолжал звучно биться лбом об землю, которая, казалось, уже едва переносила боль. Между тем полицейский Лу освободился от цепкой хватки Ван Хуая, сел на свой мопед и уехал. Лю Шуанцзюй потянулась к Ван Хуаю, чтобы погладить его, но тот ее отстранил. Так он и лежал лицом вниз до тех пор, пока кто-нибудь снова не показывался на пороге полицейского участка, и тогда он начинал отбивать поклоны и просить: «Прошу вас, помогите нам!» Лоб Ван Хуая весь покрылся кровавыми ссадинами. Лю Шуанцзюй промокала их бумажным платком, при каждом ее прикосновении лицо Ван Хуая передергивалось.

У Ван Хуая не осталось иного выхода, и тогда он указал своей жердью в самый конец улицы Сяохэцзе. Лю Шуанцзюй прекрасно его поняла и направила коляску к офису Хуан Куя. Хуан Куй оказался на месте, оба его подручных тоже. У одного из них на носу виднелся синяк, который явно указывал на недавний перелом. Ван Хуай пристально посмотрел на Хуан Куя и сказал:

- Даже с одноклассником горазд расправиться, какой же ты жестокий.
- Хуан Куй не отозвался, лишь холодно посмотрел на него.
- За что? – спросил Ван Хуай.
- А вы у него сами спросите.
- Он перед тобой чем-то провинился?
- Хуже, чем провинился.
- Поэтому ты отправил своих подручных убить его?
- Почему же он тогда не убит? Это было просто предупреждение.
- Ты вообще знаешь, что такое закон?
- Знаю. Полицейский участок вон там, давайте, зовите их, чтобы меня схватили.
- Твою мать! Таких самодуров, как ты, еще поискать!

В порыве гнева Ван Хуай схватил свою бамбуковую жердь и запустил ее в Хуан Куя. Тот уклонился. Шест раскололся на щепки, а Ван Хуай, не рассчитав свои силы, кувыркнулся с коляски на пол.

- Раз шея слаба, подопри хером голову, если тебе не слабо, так вставай на ноги.

Лю Шуанцзюй посадила Ван Хуая обратно в коляску. Ван Хуая всего колотило от злости, от досады у него даже челюсть свело. Намереваясь встать, он уперся руками в подлокотники, но ноги не слушались его. С того момента, как он разбился, его мышцы полностью атрофировались, ляжки теперь выглядели как голени, а голени стали такими же тонкими, как руки. Пожелай он сожрать своего противника, его прежде крепкие зубы не выдержали бы; пожелай он избить его, он бы до него не дотянулся. В считанные секунды гнев Ван Хуая вдруг резко сошел на нет, печаль и безысходность будто ножом перерезали ему горло. Руки его обвисли,

зад грузно опустился на сиденье коляски, грудь заходила ходуном, Ван Хуай тяжело задышал и зашелся в кашле.

– Я бы на вашем месте не рыпался, – сказал Хуан Куй. – Будьте пайнкой и забирайте своего Ван Чанчи обратно в деревню.

Ван Хуай с силой отхаркнулся и плюнул прямо в физиономию Хуан Куя. Тот матюгнулся и отвесил Ван Хуаю подряд несколько пощечин. Лю Шуанцзюй ринулась на Хуан Куя, но двое его подручных оттащили ее и грубо вытолкнули за порог. Не успела Лю Шуанцзюй подняться на ноги, как увидела вылетающую на улицу коляску, которая, описав дугу, приземлилась прямо перед ней, развалившись на кучу щепок. Ван Хуай приземлился сверху.

– Убийцы, выродки, сукины дети, бесстыдники, скоты, чтоб вас разрубили на тысячу кусков!.. – ругалась Лю Шуанцзюй, в то время как дверные жалюзи с шумом опускались вниз.

Ван Хуай поднял руку и показал на дальний конец улицы Сяохэцзе. Лю Шуанцзюй закинула его на спину и потащила туда. Так они проделали путь сначала от полицейского участка сюда, потом обратно. На их счастье они успели застать полицейского Лу и полицейского Вэй.

– Хуан Куй признался в злодеянии, помогите схватить его, – попросил Ван Хуай.

В ответ на это полицейский Вэй вытащил свой блокнот, раскрыл на нужной странице и сказал:

– Мы допрашивали Хуан Куя, он своей вины не признал, никаких улик против него нет.

– А тот тип со сломанным носом – это разве не улика?

– Его мы тоже допрашивали, он объяснил, что сломал нос раньше, чем избили Ван Чанчи.

А поскольку Ван Чанчи видел его со сломанным носом, он дал ложные показания.

– Но зачем ему это? – спросил Ван Хуай.

– По его словам, Ван Чанчи боится, что если не поймают преступников, его лечение некому будет оплатить, – ответил полицейский Вэй.

– Твою мать, какая же это чушь!

– А еще они сказали, что Ван Чанчи страдает манией преследования, – заявил полицейский Лу.

– Чанчи избили по-настоящему? – спросил Ван Хуай.

– Ну да, он до сих пор лежит в больнице, – подтвердил полицейский Вэй.

– У него действительно два ножевых ранения?

– Его раны мы засвидетельствовали, – подтвердил полицейский Лу.

– И что? Разборка с ним действительно была или он все выдумал?

– Действительно была, – в один голос ответили полицейские.

– Клянусь небесами, Чанчи никогда не врал! – сказал Ван Хуай.

– Проблема в том, что мы не можем доказать, что нос тому человеку сломал Ван Чанчи, – ответил полицейский Вэй. – Сейчас у каждой из сторон имеется своя версия, и нам сложно вынести окончательное решение.

– Хуан Куй только что все признал, – не унимался Ван Хуай.

– А кто это слышал? – спросил полицейский Вэй. – У вас есть запись разговора?

– Что еще за шуточки? Неужели у такого, как я, найдутся деньги на диктофон? – возмутился Ван Хуай.

– К тому же, – добавил полицейский Вэй, – если бы даже у вас и была такая запись, Хуан Куй вряд ли бы с ней согласился.

Ван Хуай показал на Лю Шуанцзюй и сказал:

– Она может все подтвердить, она только что все слышала.

– Вы семья, – опроверг его довод полицейский Лу. – И поскольку интересы у вас общие, ваши показания не учитываются.

– Так, значит, это дело закрыто? – спросил Ван Хуай.

– В настоящий момент у нас нет никаких зацепок, – ответил полицейский Вэй.

– Если повезет, то, может быть, по вашему делу что-нибудь всплывет в ходе других расследований, – добавил полицейский Лу.

В голове Ван Хуая будто что-то щелкнуло. Все кончено. Когда надежды потеряны, иные готовы биться об стену, но он не мог себе этого позволить. Его семья ждала от него решения проблемы.

18

Накануне отъезда в город Ван Хуай занял у Второго дядюшки и Чжана Пятого две тысячи юаней на спасение сына. Все эти деньги Лю Шуанцзюй зашила в своем кармане, чтобы без крайней надобности не тратить. Больница каждый день торопила их с оплатой лечения, но Ван Хуай и Лю Шуанцзюй всякий раз отвечали, что денег у них нет и они ждут, когда поймут преступника, который и расплатится. В результате на них обозлились и перестали давать Ван Чанчи лекарства. Тогда Лю Шуанцзюй, переживая за состояние сына, тут же распорол свой карман и, точно кормящая мать, в спешке вынимающая грудь, достала причитающуюся сумму. Но Ван Чанчи на это сказал:

– Едва вы внесете эти две тысячи, как в больнице поймут, что мы платежеспособные, а как только они это поймут, то больше не отстанут, пока все не высосут.

Не понимая, о чем говорит Ван Чанчи, Лю Шуанцзюй повернулась к Ван Хуаю.

– Чанчи лишь хочет, чтобы ты как следует хранила деньги и ничего не платила, – объяснил Ван Хуай.

– Но вытерпит ли Чанчи? – спросила Лю Шуанцзюй.

– Раны уже затянулись, да и боли сейчас не такие сильные, – ответил Ван Чанчи.

Ван Хуай задрал на нем рубашку и осмотрел две его раны.

– Воспаление уже спало, – продолжал успокаивать Ван Чанчи, – все зарубцевалось, так что никакого заражение мне не грозит.

Ван Хуай кончиком пальца легонько провел по ранам. Ван Чанчи тайком стиснул зубы.

– Ты точно сможешь вытерпеть без обезболивающего? – спросил Ван Хуай.

– Но ведь в детстве все мои раны всегда заживали сами? – ответил Ван Чанчи.

– Твой отец не в силах тебе помочь, так что ты должен научиться терпеть.

Ван Чанчи кивнул.

После того как Хуан Куй и его подручные разбили деревянную коляску Ван Хуая о землю, его повсюду таскала на своей спине Лю Шуанцзюй. Ее спина промокала насквозь и практически не просыхала с утра до вечера. Ей казалось, что Ван Хуай с каждым днем становится все тяжелее и неподъемнее, превращаясь в настоящую обузу, поэтому она достала из своего кармана еще три купюры и купила ему металлическую инвалидную коляску. У этой коляски были колеса с резиновыми шинами, сидение из искусственной кожи и тормоз, к тому же, сидя в ней, человек мог самостоятельно крутить колеса руками. Поскольку коляска стоила больших денег, Ван Хуаю теперь казалось, будто он уселся на кактус, который так сильно колол его своими иглами, что он начал даже страдать запорами.

Каждый вечер Лю Шуанцзюй расстилала на полу в палате Ван Чанчи две циновки: на одной из них спал Ван Хуай, а на другой – она вместе с Хэ Сяовэнь. Поначалу им не разрешали ночевать в больнице и выгоняли из палаты. Но идти им, несмотря на огромный земной шар, было совершенно некуда, поэтому в полночь они незаметно возвращались обратно. И поскольку повторялось это неоднократно, в больнице просто закрыли на это глаза. С тех пор как Ван Чанчи перестали давать лекарства, по ночам они часто просыпались от его бреда. Чаще всего Ван Чанчи выкрикивал: «Хуан Куй, я убью тебя!» Услышав от него такое, спать дальше уже никто не мог. Лю Шуанцзюй поднималась и давала Ван Чанчи что-нибудь попить или поесть, обтирала его лицо и тело мокрым полотенцем. Уже несколько дней у него держа-

лась небольшая температура, что беспокоило Лю Шуанцзюй. Она даже хотела тайком внести плату за лечение, но всякий раз, когда она переступала порог, Ван Чанчи обязательно просыпался, словно нутром чувствовал ее поступь. «Если внесешь деньги, перестану называть тебя матерью», – говорил он. Так что у Лю Шуанцзюй не оставалось другого выхода, как облегчать его боль влажными компрессами. В конце концов постоянные компрессы сделали свое дело, и температура отступила. Но даже с нормальной температурой Ван Чанчи продолжал разговаривать во сне, словно эти бредни исполняли роль анальгетика и жаропонижающего. Ван Хуай, не в силах уснуть, переместился в инвалидное кресло и стал прислушиваться к этим разговорам. Чаще всего Ван Чанчи выкрикивал: «Хуан Куй, я убью тебя!», и эта фраза повторялась, словно заевшая пластинка. Иногда его угрозы сопровождались соответствующими движениями. Ван Хуай, которому показалось, что Чанчи проснулся, потряс его, но, убедившись, что тот продолжает спать, забеспокоился и стал изо всех сил его тормошить. Тот открыл глаза и, глядя на сидевшего в коляске Ван Хуая, спросил:

- Ты почему не спишь?
- Ты знаешь, что ты только что говорил?
- Знаю, иногда я просыпаюсь от своего же бреда.
- Больше не кричи, смирись.

Ван Чанчи показалось, что эти слова говорит не Ван Хуай, а кто-то другой. Ведь его отец никогда не сдавался, никогда ни перед кем не склонял головы, а теперь он сидел, низко опустив голову. Ван Чанчи не мог разглядеть его лица, он видел лишь его макушку, которая уже побелела от седых волос.

- Спи, – сказал Ван Чанчи. – Я больше не причиню тебе хлопот.

С этими словами он закрыл глаза. Ван Хуай знал, что Ван Чанчи только притворился спящим, желая его успокоить. Тогда он погасил лампу, сполз со своей коляски на пол и улегся на циновку. Они еще долго притворялись, будто, равномерно посапывая, постепенно погружаются в царство снов, и все ради того, чтобы просто снять напряжение друг у друга. Но на самом деле в душе у них словно мчался паровоз, рвущий на части воздух оглушительным шипением: «Чух-чух, чух-чух...» Спустя какое-то время Ван Чанчи осторожно перевернулся на бок и украдкой посмотрел на пол, где лежал Ван Хуай. Тот хоть и лежал с закрытыми глазами, чувствовал на себе обжигающий взгляд сына, но тем не менее он даже не шевельнулся, делая вид, что преданся полному спокойствию. Ван Чанчи пролежал больше минуты, глядя на три расположившиеся на полу фигуры, прежде чем перевернулся на другой бок. Тогда Ван Хуай незаметно открыл глаза и уставился в тусклое окно. Мерцающий свет уличных фонарей падал на деревья, на которых смутно различались листья. Вдруг Ван Чанчи повернулся обратно. Встретившись в темноте взглядами, отец и сын тотчас их отвели, стараясь уберечь друг друга от неловкости.

– Если будешь мечтать о возмездии, то еще не скоро восстановишь силы, – сказал Ван Хуай.

- Я клянусь, что отныне перестану разговаривать во сне, – ответил Ван Чанчи.

Однако его угрожающие бредни не прекратились, – то был голос его подсознания. Ежегодно Ван Хуай усаживался у кровати сына, и как только у Ван Чанчи вырывалось во сне «Хуан...», отец тотчас его будил. Ван Чанчи пристально смотрел на Ван Хуая, сглатывал слюну, закусывал губу и закрывал глаза, будто обещая попробовать снова. А Ван Хуай, словно верный ночной страж, продолжал сидеть, временами засыпая прямо в своей коляске. Ван Чанчи, пусть бы он даже прикусил язык, не мог перестать разговаривать во сне. Но Ван Хуай раз за разом его тормошил и прерывал эти разговоры. Постепенно таких случаев становилось все меньше, а потом они и вовсе прекратились. День за днем здоровье Ван Чанчи улучшалось, и сон у всех остальных стал крепче. Как-то ночью Ван Чанчи вдруг позвал во сне Сяовэнь. «Сяовэнь, Сяовэнь...» – повторил он несколько раз, отчего сердца всех троих возликовали. Хэ Сяовэнь

тотчас уселась на циновке и, всхлипывая, запричитала: «Я так долго ухаживала за ним, и он наконец произнес мое имя».

Днем, когда Лю Шуанцзюй и Хэ Сяовэнь вышли из палаты, Ван Хуай хорошенько закрыл дверь и спросил сына, что он думает о Сяовэнь. Глядя в потолок, Ван Чанчи ответил:

- Хорошая девушка.
- Хочешь на ней жениться?
- Как я могу ей приглянуться в таком жутком виде?
- Если бы не приглянулся, она бы уже давно смылась.
- Чем же я ей приглянулся? Своими передрыгами?

Какое-то время Ван Хуай, глядя в окно, выдерживал паузу. Там под деревом росла густая трава, над которой порхали две пестрые бабочки. Наконец он сказал:

- Дай ей хоть какую-то надежду.
- Но у меня ничего нет.
- Поговори с ней про компанию «ПиЭй». Скажи, что как только выздоровеешь, заберешь ее с собой в город, ей нравятся города.
- Компании «ПиЭй» не существует.
- Если бы я в свое время не одурачил твою мать, она бы тоже не вышла за меня.
- Я не такой подлый.
- Неужели ты собрался всю жизнь прозябать в этом маленьком уездном городишке? – спросил Ван Хуай, поворачиваясь к нему.

Ван Чанчи, боясь пересечься с ним взглядом, отвернулся к окну. Порхавшие над травой бабочки теперь летали у кроны дерева. Он подумал: «Будь у меня крылья, я бы тоже мог улететь, и тогда не пришлось бы оплачивать лечение».

- Сяовэнь могла бы вместе с тобой поехать в центр на подработку. Вы бы зажили одной семьей и встали на ноги, – продолжал Ван Хуай.
- Ну ты и выдумщик.
- Ну тогда хотя бы относись к ней чуть-чуть получше. Кто бы еще согласился спать тут с нами на полу?

Ван Чанчи попросил Лю Шуанцзюй купить маленькую доску и повесить ее на стене у кровати. И теперь каждый день он учил Хэ Сяовэнь десяти новым иероглифам. Хэ Сяовэнь, широко раскрыв глаза, повторяла иероглифы вслед за ним, начав изучение с самых азов: вертикальной, горизонтальной и откидных черт. Она выучила иероглифы «есть», «одеваться», «жить», «ходить». Некоторые иероглифы, сколько бы Ван Чанчи их ни повторял, на письме ей никак не давались, и тогда он обзывал ее тупицей. Но она не сдавалась. Наклонив голову, Хэ Сяовэнь полдня вспоминала иероглиф, после чего, ошибаясь на какой-нибудь один элемент или черточку, писала вместо одного иероглифа другой. Иногда и она начинала злиться и, ковыряя мелом пол, говорила: «Мне далеко до тебя, я умею лишь готовить да кормить свиней». С этими словами она садилась на корточки и начинала, рыдая, причитать, жалуясь на то, что голова у нее плохо соображает, что из-за бедности ее не отправили в школу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.